

INSPIRIA

ЛИЗА АНГЕР

ЭКСПРЕСС НА 19:45

INSPIRIA

Лиза Ангер
Экспресс на 19:45
Серия «Ток. Мировой бестселлер»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67934120

*Экспресс на 19:45:
ISBN 978-5-04-172977-6*

Аннотация

Всего одна случайная встреча в поезде. Селена Мерфи подсаживается к незнакомке и вскоре понимает, что делится с этой неизвестной женщиной своими самыми темными секретами... Например, что ее муж спит с их няней, и что она мечтает, чтобы та исчезла раз и навсегда.

Поезд прибывает, и девушки расходятся, чтобы никогда больше не встретиться. Но неужели Селена только что открыла ящик Пандоры? Сначала таинственно исчезает няня. А потом... Потом на смартфон приходит это: «Кстати, это Марта. Из поезда»

Разве она давала той женщине свой номер? Нет. Но странные сообщения продолжают поступать... И вот уже жизнь Селены летит кувырком. Всего за несколько дней череда невероятных событий обращает в прах привычный ей мир и все, что она знала...

Психологический триллер о том, как одна случайная встреча может перевернуть жизнь с ног на голову и привести к непоправимым последствиям.

«Запутанный и деликатный – именно таким должен быть психологический триллер» – L.A. Times

«Лиза Ангер мастерски распутывает клубки тайн и обмана в этом леденящем душу триллере. Сюжет, который начинается со случайной встречи и пропажи женщины, закручивается с каждой новой страницей, все больше проливая свет на персонажей. Захватывающая история, которую невозможно забыть» – Меган Миранда, автор бестселлеров «Последняя гостья» и «Девушка из Уидоу-Хиллз»

«Дьявольски умно... Изысканный психологический триллер!» – Publishers Weekly

«Лиза Ангер – королева саспенса! Я не могла оторваться от этого жуткого, запутанного сюжета. Лиза создает настолько реалистичных персонажей, что читатель начинает тут же им сочувствовать, переживать за них. Удивительно!» – Мэг Кэбот, автор бестселлера «Дневники принцессы»

Содержание

Часть 1	6
Пролог	6
Глава первая	10
Глава вторая	27
Глава третья	36
Глава четвертая	54
Глава пятая	65
Глава шестая	76
Глава седьмая	85
Глава восьмая	99
Глава девятая	112
Глава десятая	120
Конец ознакомительного фрагмента.	134

Лиза Ангер

Экспресс на 19:45

Посвящается Джефффри.

*Вот уже двадцать лет ты был и остаешься
первым и единственным.*

© Гаврикова Е.И., перевод на русский язык, 2021

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2022

Часть 1

Все наши маленькие тайны

Если вы хотите сохранить что-то в тайне, вы должны скрыть это даже от себя.
Джордж Оруэлл, «1984»

Пролог

Она наблюдала. Такой у нее был талант. Растворяться в темноте, утонать в тенях, распластанных между и позади. И видеть мир таким, каким он был на самом деле – когда люди представляли в своем истинном обличье. Сегодня каждый имел возможность транслировать вовне изрядно отредактированную версию своей личности. Каждый устраивал «шоу имени себя». И позволял маске сползти, только оставшись в одиночестве, подальше от посторонних глаз.

Она наблюдала за ним не в первый раз. Заглядывала под соскальзывающую с его лица маску.

Он тоже прятался в уличных тенях, в непроглядной вязкой тьме. Она следила за ним, пока он, будто хищник, кружил на машине в поисках места под деревьями. Он припарковался, но оставался за рулем, пока не наступила ночь и окна домов не погасли одно за другим. Наконец он вышел из

машины, тихо закрыл дверь и перешел улицу. Он ждал.

Что же он замыслил?

Она наблюдала за ним вот уже несколько недель и видела, как он катал своих детей на качелях в парке, как в разгар дня заходил в стрип-клуб, как до бесчувствия напивался в спорт-баре за просмотром матча со своими друзьями. Как-то раз он помог молодой матери с грудничком в коляске и мальшом постарше донести от машины до дома сумки с продуктами.

А однажды он подцепил в местном баре женщину. Они, как животные, повозились в его припаркованной на стоянке машине, а потом он, как ни в чем не бывало, отправился в продуктовый магазин за едой для своей семьи, доверху забив тележку мороженым и крекерами «Золотая рыбка», которые нравились его детям.

Что он задумал на этот раз?

Наблюдателю положено наблюдать – беспристрастно, не вмешиваясь. Но что-то надвигалось – она чувствовала это, безмолвно и терпеливо выжидая в прохладной ночи.

По пустынной улице отрывистым эхом простучали чьи-то каблукы. Она почувствовала, как в венах запульсировал почти невесомый призрак ужаса. Неужели она одна наблюдала за происходящим? Ничьих внимательных глаз за оконными стеклами нет. Только она. Люди совсем разучились замечать. Перестали смотреть по сторонам. Уткнулись в гаджеты. А иные – в собственные мысли, в бесконечно раз-

матывающуюся перед внутренним взором пленку с мелькающими картинками прошлого и грядущего, пестрящую образами желаний и тенями сомнений.

Закинув дамскую сумку на плечо и спрятав руки в карманы, по улице уверенно шагала стройная, статная девушка. Он вышел из тени и преградил ей путь. Она резко остановилась. Отступила на пару шагов. Он потянулся к ней, словно хотел взять за руку, — она спрятала ладони, обхватив себя за талию.

Зазвучали слова, разобрать которые она не могла, завязалась беседа. Интонации, поначалу резкие, становились все мягче. Голоса доносились издалека, расползались по воздуху перекликающимися птичьими криками. Что все это значило? Вверх по позвоночнику скользнули леденящие пальцы страха.

Он попытался заключить девушку в объятия, но та отпрянула. Он все равно придвинулся к ней. В ночи его громоздкий силуэт выглядел особенно угрожающе. Он поглотил хрупкую фигурку девушки, и они, неуклюже покачиваясь, словно пара, слившаяся в странном подобии танца, направились к двери. Очень скоро она сдалась и обмякла в его руках. Впустила его в дом. На улице снова воцарилась тишина.

Она застыла, не до конца осознавая увиденное. Однажды она поймет, кто скрывался под маской и что он сотворил. Поймет и возненавидит себя за то, что пряталась в тени,

*безучастно наблюдая. Будет уговаривать себя, что не зна-
ла. Представить не могла, какое чудовище скалило зубы из-
под маски.*

Глава первая

Селена

Селена любила пограничные состояния. Те драгоценные мгновения между ролями, которые ей выдала жизнь.

Из-за затянувшейся встречи с клиентом она опоздала на поезд, отправляющийся по расписанию без двадцати шесть. Она все еще сидела за столом в переговорной, когда поняла, что сегодня Грэм, ее муж, и их энергичные сыновья Стивен и Оливер будут ужинать без нее. Не застанет она и привычной вечерней суеты: ни водных процедур, ни переодевания в пижамы, ни импровизированных озорных выходов мальчишек, ни их ожесточенных сражений и стремительных перемирий, ни кратких перерывов на телевизор – если удастся усадить их хотя бы на минуту. Селена редко работала допоздна – она предпочитала возвращаться вовремя. Все-таки эти безумные вечера были лучшей частью ее дня.

Но тем вечером опоздание на привычный экспресс – успеть на который она даже не попыталась – подарило ей чуть больше двух часов свободного времени перед следующим поездом, отправляющимся без пятнадцати восемь. Провести их она планировала, разбираясь с офисной рутинной.

Она почувствовала, как границы ее личности расползаются. В эти часы она не была сотрудницей агентства. Не была

заботливой матерью. Она была собой. Могла безоглядно погрузиться в собственные мысли. А положила руку на сердце поразмыслить Селене было над чем. Пришло время вслушаться во все то, что белым шумом зудело в глубинах ее подсознания.

Такси доставило ее обратно в офис. Она выскользнула из машины в прохладный осенний вечер. Ее захлестнула шумная городская суэта, бурный поток людей, спешащих домой после утомительного рабочего дня. Селена нырнула в спасительную тишину отделанного мрамором вестибюля, кивнула знакомому охраннику, царапнула пропускной картой по считывающему устройству на турникете и шагнула в пустой лифт, немедленно поползший вверх.

Вдруг ее сердце бешено заколотилось. Во рту пересохло. Сумка, ставшая непривычно тяжелой, остервенело вгрызалась ремешком в напряженные мышцы плеча. Она опоздала на поезд не нарочно. Она и правда не хотела прерывать клиента – а он все продолжал и продолжал говорить.

И все же...

В офисе никого не было. Почти все немногочисленные сотрудники литературного агентства были людьми семейными. Родители в большинстве своем уходили с обеда и, забрав детей из школы, до конца дня работали из дома. Бет – ее начальница и по совместительству лучшая подруга с самого детства – позаботилась, чтобы работа не мешала подчиненным проводить время с семьями. В офисе царила на редкость

гуманная атмосфера.

Она не стала включать в кабинете свет, предпочитая любоваться сверкающим за большим окном центром города. Она сбросила с плеча сумку и почувствовала, как кровь горячила щеки. Сняв куртку, она устроилась за столом, глубоко вздохнула и откинула крышку ноутбука.

Время перевалило за четверть седьмого. Мальчики наверняка уже поужинали. А зная их няню Женеву и эффективность, с которой она обыкновенно руководила вечерним парадом, Оливер и Стивен могли к этому часу успеть побывать в душе, влезть в пижамы и устроиться перед телевизором.

Селена откинулась, и спинка ее эргономичного кресла услужливо подалась назад. Она не скрывала, что в доме были установлены камеры. Женеву предупредили о них: одна на втором этаже и одна – на первом. А вот о том, что камера из спальни мальчиков переключалась в другую комнату, Селена не стала рассказывать ни Грэму, ни Женеве.

На мгновение она отвлеклась от своих мыслей. На столе громоздились поблескивающие в рамках фотографии мальчиков и Грэма, школьные рисунки и керамическая сова, которую Оливер сделал в творческом лагере. Она повертела в руках это глазурное нечто с вырезанным на глиняном дне именем автора, провела пальцами по кособокой «О» и отстоящей от остальных букв «е». Откуда-то донеслось гудение пылесоса.

Венчала коллекцию воспоминаний свадебная фотогра-

фия, на которой она сияла улыбкой рядом с щеголяющим в классическом смокинге Грэмом. Пока фотограф снимал их, Грэм нашептывал ей на ухо непристойности вперемешку с милыми шутками.

– Это лучший день в моей жизни, – не преминул поделиться он.

Он крепко сжимал ее в руках, щекоча ухо горячим дыханием. Тело покалывало от радости, от желания. Это было почти десять лет назад. Десять лет, пролетевших за мгновение. Господи, да за один удар сердца, за один вдох.

Она поставила фотографию на место и запустила на ноутбуке приложение для просмотра видео с камеры, которую она установила в детской.

Загрузка изображения заняла некоторое время.

Появившейся на экране картинке она не удивилась.

Грэм, ее муж, трахал Женеву, няню ее детей, прямо на коврик, который Селена и Грэм вместе выбирали в ИКЕА.

Звук был отключен, что избавило ее от их прерывистого дыхания и стонов.

Когда же она заподозрила неладное? Пару недель назад. Случайно заметила, какой взгляд бросил Грэм на Женеву. Что-то едва уловимое, сиюминутное промелькнуло в его глазах.

«Нет, – подумала она тогда. – Быть не может».

И перенесла камеру из спальни в детскую.

Она наблюдала за ними уже второй раз. Ее охватило

странное спокойствие, какая-то апатичная отстраненность от происходящего.

«Но ведь не *настолько* Женева сексуальна», – размышляла Селена, глядя на девушку с блестящими пшеничными волосами и покрасневшими щеками. Селена наклонилась ближе к экрану, чтобы получше ее рассмотреть. Симпатичная. Но *ненамного* лучше самой Селены.

Конечно, эта другая была немного моложе – но всего-то на несколько лет. Вероятно, она обладала присущей женщинам мягкостью, которой не хватало Селене. Вероятно, выглядела свежее. Но в ней не было ничего особенного. Самое забавное, что Селена наняла Женеву няней в том числе за ее невзрачность. Женева, будучи в допустимой степени привлекательной и неглупой, успешно делала карьеру в сфере ухода за детьми и подкупала длинным списком блестящих рекомендаций. Она не была секс-бомбой. Не была краснеющей двадцатилеткой с намалеванными губами и вульгарными татуировками. Словом, не выглядела девушкой, о найме которой пришлось бы впоследствии пожалеть. Большинство женщин, включая Селену, прекрасно понимали, что приводить в свой дом сексуальную красотку, да еще и на регулярной основе, – себе дороже.

Но Селена *знала* Женеву – и хотела нанять именно ее. Они познакомились на детской площадке в самый первый год, когда Селена ушла с должности, чтобы посвятить себя детям. Круговорот из работы, общественного транспорта и

детского сада измотал ее до предела. Она, словно эквилибрист, пыталась удержать баланс на совершенно несбалансированной опоре. И тогда они с Грэмом решили, что ей стоит какое-то время посидеть дома – столько, сколько потребуются. Они могли себе это позволить – Грэм зарабатывал более чем достаточно. Конечно, от «Рендж Роверов» и ежевесенних поездок на озеро Тахо пришлось бы отказаться, но уж это они смогли бы пережить.

Селена *восхищалась* тем, как Женева общалась с ребятами Такера, Райаном и Чедом. Она была мягкой, но непоколебимой. В ней чувствовалось знание своего дела, но не было дотошности. Мальчики слушали ее.

– А ну-ка смотрим на меня, – улыбалась она, и дети немедленно подчинялись.

Женева отличалась от прочих няnek, гуляющих в парке, – миллениалов, которые, уставившись в телефоны, вовсе не следили за беснующимися или уткнувшимися в собственные устройства подопечными. Женева была другой. Она качалась вместе с ребятней на качелях, играла в салки и прятки.

И вдобавок ее сложно было назвать *горячей* штучкой.

Она была приятной: волоокая, с темными густыми ресницами, носом пуговкой и пухлыми губами. Грудастая и чуточку – очаровательно – полноватая. Пышнозадая, как говаривал ее отец. Она выглядела в хорошем смысле сильной и приспособленной к тяжелому физическому труду. Селена

была высокой и стройной – спасибо наследственности, потому что, видит бог, ей было бы непросто выделить время еще и для работы над своим телом.

Она сделала звук чуть громче и вслушалась в их стоны. Они показались ей какими-то... вынужденными?

Селена вспомнила их почти ежедневные беседы с Женовой. Сыновья любили ее.

– А Женева придет? – иногда спрашивал Оливер, ее старший, по дороге в парк.

– Должна, – отвечала Селена, мечтая найти кого-нибудь вроде Женевы хотя бы на полдня.

Кого-нибудь, с кем она могла бы спокойно оставить детей. Ей вполне нравилось быть домохозяйкой, и она вовсе не скучала по работе в рекламном агентстве. Она, в отличие от многих своих друзей, никогда не стремилась во что бы то ни стало сделать карьеру. Она была другого толка. Ей нравилось работать – нравилось чувствовать независимость, нравился их сплоченный коллектив, нравилось приносить пользу. И, конечно, нравилось получать за это деньги. Но ничто из этого не определяло ее личность.

– Да, да, как хорошо, – простонал Грэм.

Она снова убавила громкость, взяла одну из красующихся в рамках фотографий мальчиков, поднесла ее поближе – так, чтобы она закрывала экран, – и вгляделась в их радостные румяные лица.

Не работа определяла Селену – Селену определяло ма-

теринство, осознание того, что она была рядом со своими детьми: готовила для них, заботилась о них, следила за порядком их дня, водила к врачам и парикмахерам, возила их на машине, ходила на родительские собрания и на школьные празднования Хеллоуина. Это не было чем-то сексуальным. И не всегда давалось легко. Материнские заслуги не превозносились в обществе. Но она нашла в этом такое удовлетворение, какого нигде более не находила.

Потом Грэм неожиданно – а разве бывает иначе? – потерял работу. Вовсе не по своей вине. Издательское дело претерпевало не лучшие времена, объемы печати стремительно сокращались, а беспорядочная штамповка макулатуры не была такой уж спасительной и не могла обеспечить Грэму приличную зарплату. На той же неделе Селена решила пропустить по коктейлю со своей хорошей подругой Бет, которая очень своевременно предложила ей заманчивую должность – она искала директора по лицензированию в собственное литературное агентство. Зарплата была даже больше, чем у Грэма, не говоря о бонусах. Конечно, нужно было обзавестись кем-то, кто бы присматривал за детьми. Из Грэма нянька была, мягко говоря, никудышная. К тому же:

– Детка, поиск новой работы – это тебе не орешки щелкать.

Поэтому, когда на второй день судорожных поисков решения проблемы Селена, встретившись с Женовой в парке, узнала, что та вот-вот лишится работы, она почувствовала,

будто судьба благоволит ей.

– Миссис Такер решила пару лет посидеть дома, – пояснила Женева.

Все складывалось без сучка без задоринки – Селене казалось, что она *поймала волну* – так ведь сейчас модно говорить? Удачно сложившиеся обстоятельства позволили Селене вернуться к работе. Не то чтобы она мечтала об этом, но – делай то, что можешь, и будь, что будет. Рано или поздно Грэм найдет себе работу. Это всего лишь временные меры – временные и очень хорошо оплачиваемые.

Женеву, которая, по-видимому, предпочитала быть сверху, с этого ракурса было видно особенно хорошо. Селена не могла сказать наверняка, правдой это было или уловкой разыгравшегося воображения, но Женева выглядела не слишком заинтересованной в разворачивавшемся действе. Хотя, судя по выражению ее лица и движениям губ, все надлежащие звуки она покладисто издавала.

На изображении с камеры, установленной на первом этаже, мальчики, раскрыв рты, наблюдали за приключениями «Охотников на троллей»¹. Вымытые, накормленные и переодетые в пижамы, они ждали возвращения Селены.

В этом отношении Женева была безупречна – странная мысль для такого момента. Но Селена по-настоящему ценила в Женеве то, что она, в отличие от некоторых нянек, не пыталась заменить детям мать. Она знала свое место и по

¹ Американско-мексиканский компьютерный мультсериал. – *Прим. пер.*

вечерам, как только Селена возвращалась домой, поспешно собиралась и уходила – иногда даже раньше, чем Селена успевала переодеться. Женева следила за порядком в доме и справлялась с бьющей через край детской энергией – Оливер и Стивен вели себя настолько спокойно, насколько вообще были способны мальчишки семи и пяти лет. Ни в какое сравнение с тем, как они дичали в тех редких случаях, когда на хозяйстве оставался Грэм. Селена возвращалась домой к неумытым, перевозбужденным, почти неконтролируемым детям, и ей приходилось наводить порядок и успокаивать их. Грэм вливался в их компанию на равных и больше напоминал разгульного старшего брата, чем родителя.

Посмотреть на него сейчас, например, – как он в детской долбил няню, пока его маленькие сыновья сидели перед телевизором этажом ниже.

Селена могла бы рвать на себе волосы в бессильной ярости, она злилась – но злилась, на удивление, не так сильно.

В первый раз она увидела, как они развлекаются, три дня назад, и с тех пор мысли об этом безостановочно роились в ее голове. Словно тихо жужжащие насекомые, от которых она отмахивалась, отгоняя все дальше, все глубже. Почему она не плакала от злости, от причиненной предательством боли, хотя бы от ревности? Почему не помчалась домой, едва узнав об их шашнях? Не взбесилась, не вышвырнула вон Грэма, не уволила Женеву? На ее месте так поступила бы любая.

Но Селену охватило лишь всепоглощающее оцепенение,

переросшее за эти три дня в жестокосердное бесчувствие, в апатию. Или же... Что-то скрывалось за этой онемевшей частью ее души?

Женева в удовольствии откинула голову. Грэм скорчил беспомощную гримасу, которую корчил всякий раз, собираясь кончить: приподнял брови и прикрыл глаза – будто скрипач, поглощенный собственной музыкой. Селена почувствовала, как заболели впившиеся в подлокотники пальцы.

Сейчас она смутно ощущала то, что давно – задолго до последних событий – обнаружила и подавляла в себе. В какой-то момент после рождения второго ребенка Грэм начал раздражать Селену. Не постоянно, но на удивление часто. Тем, как он перебивал ее, когда она говорила. Как мешался на кухне, норовя поделиться своим авторитетным мнением по поводу ее действий. Как утверждал, что помогает ей по дому, хотя за всю их совместную жизнь палец о палец не ударил. Ни единожды. Но через это проходят все пары, состоящие в мало-мальски длительных отношениях. Потом он потерял работу – и, надо сказать, выглядел не слишком раздосадованным.

– Ну, мне все равно нужны были перемены. А ты, сама говорила, соскучилась по работе, – заявил он.

Когда это она такое говорила? Работы у нее и дома было выше крыши.

Иногда по возвращении домой она день за днем обнаруживала его в трениках. Иногда проверяла историю браузера

– и не находила ни единого доказательства его «старательных поисков» работы. Раздражение мутировало во что-то похожее на ненависть. И она крепчала. Тот стройный обаятельный мужчина в смокинге, который заставлял ее тело содрогаться от смеха и удовольствия, казался теперь кем-то из сна. Кем-то, почти стершимся из памяти.

Она опять потянулась к кнопке увеличения громкости, и на этот раз, услышав, как он стонет под Женовой, позволила глубокой, первобытной, всеобъемлющей ненависти затопить все прочие чувства. Впервые в жизни она поняла, как люди могут убивать друг друга, – женатые люди, те, которые когда-то были связаны узами страстной и преданной любви, которые утирали слезы счастья, стоя у алтаря, наслаждались друг другом каждое мгновение медового месяца, которые привели в этот мир прекрасных детей и построили крепкую семью.

Что-то таившееся в глубине ее души рвалось наружу. Ей казалось, она слышит скрежет его когтей. Слышит, но не *чувствует*.

С Грэмом она общалась машинально, будто на автопилоте. Совершала все положенные действия и на корню зарубала попытки мужа заигрывать с ней. Если он и заметил ее отстраненность, то ничего не сказал. На самом деле это была не первая его измена. Но она думала, Грэм оставил прошлое в прошлом, как оставила она. Они прорабатывали проблему с психологом. Он слезно клялся ей в верности. И она – ка-

кая немыслимая наивность! – не только простила мужа, но и позволила себе снова доверять ему.

– Грэм.

Селена вздрогнула. Голос Женева вернул ее к реальности.

Та уже успела слезть с мужа Селены и одернуть юбку. В прошлый раз они одевались так же поспешно, так же отводили глаза и хмурились. По крайней мере, у них хватало порядочности не *смаковать* секс, валяясь на полу детской комнаты.

– Нужно завязывать с этим, – сказала Женева. В ее голосе прозвучали нотки стыда и сожаления. Уже кое-что. Так-то лучше, Женева.

Грэм натянул штаны и, рухнув на диван, уронил голову на руки.

– Знаю, – пробормотал он.

– У тебя замечательная семья. Прекрасная жизнь. А ты все это... в прямом смысле слова, продалбываешь, – продолжила Женева, покраснев.

«Нет, Женева, – подумала Селена, сама себе удивляясь, – только не увольняйся».

– Думаю, мне придется отказаться от работы, – заключила Женева.

Грэм поднял голову и потрясенно уставился на нее.

– Не надо, – тут же заканючил он. – Не делай этого.

Селена рассмеялась. На любовь это не тянуло. Он не боялся потерять прелестную юную Женеву. Он был в ужасе от

мысли, что ему предстоит самостоятельно присматривать за Стивеном и Оливером, пока он без усталости «ищет новую работу».

– Селена ведь так рассчитывает на тебя, – попытался выкрутиться он. – Она тебя очень ценит.

Женева усмехнулась. Селена неосознанно улыбнулась ей в ответ. Как ей могла быть *симпатична* та, что пару минут назад трахалась с ее мужем? Да уж, она теряла хватку. Вот что материнство делает с работающими женщинами – лишает рассудка.

– Очень сомневаюсь, что она ценит меня за *подобные* услуги, – заметила Женева.

– Не за них, – не стал спорить Грэм. Ему явно было стыдно: он побледнел и неловко потирал ладонью подбородок. Когда он снова поднял глаза, на секунду Селена со странным облегчением увидела того, кого когда-то полюбила, – своего мужа, своего лучшего друга, отца своих детей. Тот Грэм все еще существовал. Она не придумала его.

– Тогда... – Женева, обхватив себя руками, двинулась в сторону двери. – Прекращай днями крутиться дома. Найди уже работу.

– Ладно, – согласился он. Его волосы были всклокочены. Казалось, он не брился уже несколько дней.

И что Женева в нем нашла? Ну, серьезно? У них с Селеной была история: упоительный роман, полные приключений странствия, прекрасная семейная жизнь. Прошлые

его измены были относительно незначительными. Во всяком случае, она упорно убеждала себя в том, что Грэм заводил только лишь мимолетные интрижки – никаких романов. До недавнего времени он показывал себя достойным мужем, добытчиком. Он был ее лучшим другом, человеком, с которым она хотела разделить каждую мелочь. Он казался ей остроумным, обворожительным, эрудированным. Даже сейчас, в этот мрачный момент, она испытывала жгучее желание позвонить ему и пожаловаться на своего ужасного мужа, трахавшего няню. Он бы непременно помог, он бы знал, как поступить.

– Мужчины не должны сидеть дома, – наставляла его Женева. – В последние годы я все чаще наблюдаю подобное. Но... ни к чему хорошему это не приводит.

– Не приводит, – отозвался он еще более удрученно. Бедная Женева. В няньки Грэму она не нанималась.

Селена захлопнула крышку ноутбука – с силой несколько большей, чем намеревалась, – и, сунув его в чехол, запихнула в сумку. Она накинула на плечи темную шерстяную куртку и почувствовала, как боль узлом скручивается где-то в районе солнечного сплетения.

Она была зла, обижена, предана – она прекрасно осознала это.словно в спящем вулкане, на самом дне ее существования, нагнетая давление, вскипала лава. Она всегда была такой – безмятежная гладь поверхности скрывала глубинные шторма. Она старательно заталкивала эмоции подальше –

пока они умещались в ее вовсе не бездонной душе. А потом случались разрушительные извержения.

К тому времени, как она вышла на улицу, знакомое ощущение снова заключило ее в безжизненные объятия. Город душил час пик. Она протолкалась по многолюдным улицам к метро, затем по шумному вокзалу – к платформе, едва успев на поезд.

Она уже пробиралась через вагоны, когда поезд зашипел, угрожая вот-вот тронуться. Наконец она остановилась.

Вот и свободное место – рядом с молодой женщиной, которая на мгновение показалась Селене странно знакомой. У нее были прямые черные волосы и глаза цвета мокко, на алых губах играла легкая улыбка. Стройная и стильная, она сразу – даже издалека – понравилась Селене. Женщина заметила ее приближение и забрала лежавшую на кресле сумку. Селена с выразительным вздохом опустилась рядом. В руке она держала журнал «Пипл»², в глянцевых страницах которого собиралась следующие сорок минут прятаться от проблем.

– Трудный день? – спросила незнакомка. По выражению ее лица – изогнутым в полуулыбке полным губам, блеску темных глаз – казалось, будто она и без того обо всем знала. Будто она была свидетельницей произошедшего. Будто она успела оценить еще не прозвучавшую шутку.

Селена усмехнулась.

² Еженедельное американское издание о знаменитостях. – *Прим. пер.*

– Вы даже не представляете насколько.

Глава вторая

Энн

Это было ошибкой. С самого начала. Энн прекрасно понимала, что спать со своим боссом – плохая идея. Матерям стоило бы лучше вбивать это в головы дочерей. Напоминать им тщательнее пережевывать пищу. Смотреть по сторонам, прежде чем переходить улицу. Не трахаться со своим начальником, каким бы горячим, богатым и обаятельным он ни был. Но едва ли мать Энн научила ее чему-нибудь полезному.

Результатов правильного воспитания, во всяком случае, не наблюдалось. Она снова совершала ту же самую ошибку. Стояла в угловом кабинете своего босса, перегнувшись через диван. Из окон открывался великолепный вид на забрызганный огнями город. Она старалась наслаждаться происходящим. Но, как это часто бывало, находилась в некоторой прострации – не забывая при этом издавать все ожидаемые от нее звуки. Она умела симулировать.

– О боже, Энн, какая же ты горячая! – простонал он, вколачиваясь в нее.

Поначалу она приняла его ухаживания за шутку – или недоразумение. Впервые он проявил к ней интерес во время их совместной командировки в Вашингтон, куда они прилетели на ужин с важным клиентом, который подумывал по-

кинуть инвестиционную фирму. На обратном пути в отель – в такси – Хью, разговаривая по телефону с женой, положил руку на колено Энн. Он даже не посмотрел на нее, и Энн решила, что этот жест был результатом простой рассеянности. Вполне на него похоже – сумасбродства ему было не занимать. Он казался неподобающе привязчивым и фамильярным. И рассеянным.

Рука Хью скользнула вверх по ее бедру. Энн притихла. Она чувствовала себя загнанной в угол жертвой. Хью закончил разговор, и она ожидала, что он отдернет руку и, ужаснувшись подобной неловкости, проговорит что-нибудь вроде:

– Ох, прости меня, Энн...

Но нет. Вместо этого его рука поползла выше.

– Я ведь правильно истолковал твои сигналы? – поинтересовался он, понизив голос.

Да уж. Большинство людей подумало бы: «Бедная Энн! Боится потерять работу – вот и идет на поводу у этого чудовища».

Но Энн отличалась от большинства. Она спрашивала себя: «Как бы обернуть ситуацию в свою пользу?»

Она всего лишь старалась хорошо выполнять свою работу. Во всех смыслах. Но папуля оказался прав и в этом: если поводья не в твоих руках – возможно, они на тебе.

Неужели она подсознательно подавала ему сигналы? Вероятно. Более чем. Может быть, и тут папуля не прогадал:

убежать от собственной сути не выйдет, сколько ни старайся.

В такси они целовались с энтузиазмом подвыпивших выпускников, но вестибюль «Ритца»³ преодолели, соблюдая нормы приличия. Когда они оказались у номера Энн, он снова дал себе волю и прижал ее к двери. Не зря она в тот день надела сексуальное нижнее белье и побрила ноги.

В ту ночь она подарила Хью – жилистому, подтянутому, с волосами, уже посеребренными проседью, – лучший секс в его жизни. За ней последовали другие ночи – множество ночей. Ему нравилось, когда она была сверху. Он оказался чутким любовником.

– Тебе хорошо? Ты в порядке? – постоянно интересовался Хью.

Однажды он даже признался:

– Мы с Кейт женаты очень давно. И не справляемся с нашими... аппетитами.

Как будто Энн волновал его брак.

Вообще-то, она не верила в существование того, что многие так высоко ценили. Верность – серьезно? Всю жизнь хотеть одного-единственного человека? Не верила в брак – за всю историю людям едва ли удалось придумать что-то, еще более обреченное на крах. Разбитые надежды, заржавелые жизни – вот и все, что можно было выгадать у алтаря. В конце концов, они мало чем отличались от зверей. Все до единого были гонимыми инстинктивной похотью дикими живот-

³ Речь идет о сети элитных отелей «Ритц Карлтон». – *Прим. пер.*

ными. Такими были мужчины. Такими же были и женщины. Общество все еще не развалилось только благодаря скрепляющей его тончайшей паутине совершенно произвольных законов и моралей – подвижных и изменчивых вне зависимости от того, как сильно люди цеплялись за них. Упорядоченный мир расшатывало стремление к природному хаосу.

Энн не ожидала, что Хью влюбится в нее, и уж точно не пыталась его к этому подтолкнуть. Говорила она редко. По большей части слушала, кивая и поддакивая. Если он и заметил, что она почти ничего не рассказывала о себе, то промолчал. Влюбиться в Энн – и усложнить ситуацию – это ему не помешало.

Хью кончил, навалился на нее, обнял за талию. Он плакал. Секс часто пробивал его на эмоции. Обычно Энн было все равно, но рыдания могли сбить даже самый позитивный настрой. Она попыталась приподняться – и он отпустил ее, но снова заключил в объятия, едва Энн успела одернуть юбку.

Какое-то время она обнимала его в ответ, потом, чуть отстранившись, вытерла с его лица слезы и прижалась губами к глазам. Она знала, что именно в этом он сейчас нуждался. У нее был особый дар: она всегда понимала, чего хотят люди – по-настоящему хотят, в самой глубине души, и в течение некоторого времени услужливо воплощала их надежды. Поэтому Хью и влюбился – как влюбился бы любой другой, оказавшись на его месте. Ему нравилось получать желаемое – даже тогда, когда он сам понятия не имел, чего же хочет.

Наконец он отошел. Энн взгляделась в свое призрачное отражение в темном окне. Стерла размазавшуюся помаду.

– Я уйду от нее, – сказал Хью, опускаясь на один из стоявших в кабинете роскошных диванов. Высокий и элегантный, в сшитой на заказ одежде из лучших тканей, Хью всегда выглядел безупречно. Даже сейчас – в ослабленном шелковом галстуке, слегка помятой хлопковой рубашке и все еще идеально отглаженных черных шерстяных брюках. Даже простая белая футболка смотрелась выигрышно на его подтянутом теле.

Улыбнувшись, она присела рядом с ним. Он потянулся к ней, его поцелуй был соленым и сладким одновременно.

– Это нужно сделать. Я больше не могу так жить, – продолжал он.

Он заводил эту тему не впервые. В прошлый раз она попыталась его отговорить, но он вцепился в ее запястья, лишив возможности сбежать. Тогда его глаза загорелись жестоким отчаянием. Она боялась, что он так же вцепится в нее и сегодня. Что он снова поддастся эмоциям.

– Хорошо, – ответила Энн, зарываясь пальцами в его волосы. – Давай.

Потому что именно это он хотел услышать, именно в этом нуждался. Люди злились, не получая желаемого. Или отстраивались. Игра выходила на более сложный уровень, иногда – вовсе не предусматривающий победы.

– Мы уедем, – пообещал он, поглаживая ее по щеке. Ко-

нечно, уедут, куда им будет деваться – работу они оба потеряют. Жена Хью, Кейт, была владелицей и управляющим директором унаследованной от легендарного отца инвестиционной фирмы. В совет директоров входили и ее братья, Хью никогда не жаловавшие – их неуважение давно стало излюбленной темой его откровенных разговоров с Энн. – Попутешествуем по другим странам, а там решим, что делать дальше. Начнем с чистого листа. Ты и я. Ты ведь этого хочешь?

– Конечно, – проворковала она. – Это было бы замечательно.

Энн нравилась ее работа. Она искренне хотела получить это место, когда посылала резюме и проходила собеседование. Она смыслила в числах, инвестиции представлялись ей чем-то средним между логикой и волшебством, а работа с клиентами – своеобразной игрой, целью которой было убедить людей поделить свои деньги за обещание их преумножить. Кейт – начальница Энн и жена ее любовника – вызывала в ней уважение и восхищение. Она производила впечатление умной и сильной женщины.

Возможно, Энн следовало подумать об этом, прежде чем поддаваться на ухаживания Хью. Он не был влиятельным человеком. Она просчиталась. А может быть, и вовсе не утруждала себя расчетами. Порой она совершала подобные ошибки – выпускала поводья из рук. Папуля считал это формой самовредительства.

– Иногда мне кажется, милая, что ты не вкладываешься

всей душой, – говорил он. И, возможно, был прав.

– Ох, – вздохнул Хью, отстранившись и поглядев на часы. – Я опаздываю. Нужно переодеться – я обещал сопровождать Кейт на благотворительном вечере.

Она встала, прошла через кабинет, достала из шкафа смокинг и пристроила его на спинке дивана. Еще один потрясающий предмет его гардероба – тяжелый и шелковистый. Она любовно провела пальцами по лацкану. Он встал. Она помогла ему одеться, развесила сброшенные им вещи и убрала их обратно в шкаф. Потом снова подошла к Хью и завязала ему галстук. В глубине души он все еще был маленьким мальчиком. Хотел, чтобы о нем заботились. Да и кто не хотел бы?

– Ты выглядишь просто превосходно. – Она поцеловала его. – Желаю хорошо провести вечер.

Он ответил ей долгим взглядом. В глазах снова заблестели слезы.

– Скоро, – пообещал он, – я положу конец этому глупому спектаклю.

Она ласково провела рукой по его щеке и, одарив его нежнейшей из своих улыбок, направилась к выходу.

– Энн, – он схватил ее за руку. – Я люблю тебя.

Она никогда не отвечала на его признания. Бросала изворотливое «я тоже», а в переписке отшучивалась смайликами с сердечками. Иногда и вовсе ограничивалась воздушным поцелуем. Он, казалось, не обращал на это внимания

– или же был слишком горд, чтобы напрямую спросить, почему она ни разу не сказала ему этих слов и любит ли она его на самом деле. Но она ставила на избирательную способность Хью видеть и слышать только то, что не противоречит его желаниям.

Она послала ему воздушный поцелуй.

– Доброй ночи, Хью.

У него зазвонил телефон. Мгновение, понадобившееся ему, чтобы ответить, он не сводил с нее глаз.

– Иду, дорогая, – наконец выдавил он, пряча взгляд, и отошел. – Просто надо было разобраться с клиентом.

Энн вышла. Его голос следовал за ней по коридору.

Она вернулась в свой кабинет и принялась собираться. Душа ее была не на месте. Она предчувствовала, что удача вот-вот покинет ее. Веских оснований для подобных мыслей не было. Она просто осознавала, что все трещало по швам. Что расставание с Кейт пройдет не так гладко, как он предполагает. Что в глубине души он этого и сам не хочет. Что, как только ситуация достигнет критической массы, она останется без работы. Но всухую она проигрывать не собиралась. Уж об этом она позаботится.

В конце концов на нее навалилось чувство одиночества и опустошенности. Больше всего на свете ей хотелось позвонить папуле. Обсудить с ним все. Попросить совета. Телефон звякнул, отобразившееся на экране сообщение вещало:

Это неправильно.

Я не хочу продолжать.

Энн почувствовала раздражение, но ответила коротко:

Просто держись курса.

Отступить уже слишком поздно.

Забавно был устроен этот мир. В трудную для себя минуту она давала именно тот совет, который был нужен ей. Ученик стал учителем. Папуля бы ею гордился.

Энн взглянула на телефон. В открытом чате запульсировали маленькие точки. Потом исчезли. Девушка, юная и зеленая. Сделает все, что ей скажут. Всегда делала. По крайней мере, пока.

Энн взглянула на часы и почувствовала прилив сил. Если она поторопится, то, возможно, успеет.

Глава третья

Селена

Едва Селена успела расположиться рядом с незнакомкой, поезд, утробно застонав, перестал подавать какие-либо признаки жизни. Свет погас и снова вспыхнул, а она замерла в ожидании.

«Ну, пожалуйста», – мысленно умоляла Селена.

Если поезд тронется прямо сейчас, она еще успеет пожелать мальчишкам добрых снов. Она взглянула на свою соседку. Та, отвернувшись, смотрела в окно. Селена видела лишь ее точеный, почти полностью скрытый за блестящими черными волосами профиль. Она снова задумалась, почему женщина казалась ей знакомой.

Грэму, этому гребаному изменщику, она черкнула короткое:

Поезд задерживается!

Ох... Няня уже ушла.

Мальчики ждут тебя.

Пойду их укладывать. Люблю!

Ее забавляло, что он не называет Женеву по имени. Кажется, она читала об этом – о дистанцировании. О самоубеждении формата «я никогда не состоял в сексуальных отношениях с *этой женщиной*».

Показалось ли ей – или в его сообщении действительно сквозило раскаяние? Он редко использовал восклицательный знак. Редакторы их ненавидели. Они считались костылями – хорошо прописанный диалог в них не нуждался. Но текстовые сообщения восклицательные знаки сдабривали теплотой, энтузиазмом, эмоциями – добавляли оттенков. Раз он прибегнул к этому, значит, чувствовал себя чудовищно. *Под стать* своей натуре.

Люблю тебя

Она ответила неохотно, без восклицательного знака. Но все равно ответила. Всегда отвечала – все эти годы, которые они провели вместе. Он смешил ее. Умел потрясаяще массировать плечи. Он был сильным. Взял на себя ответственность за их жизни. Рубил дрова, благоустраивал дворик. Во многих отношениях он был прекрасным мужем. Она действительно любила его. И вместе с тем каким-то непостижимым образом столь же страстно его ненавидела. Внутри ее вулканическом клокотали печаль, ярость, любовь. Грядущее извержение обещало обратить окрестности в пепел.

Селена выглянула в окно.

Стемнело.

Стекло стало непроницаемым – Селена различала в нем лишь тусклое отражение лица незнакомки. В вагоне осталось всего несколько человек. Многие, как догадалась Селена, ушли на поиски альтернативных транспортных средств. Теперь она могла бы пересечь на другое место – так им обе-

им было бы комфортнее. Но она боялась показаться невежливой.

Ее лицо...

Что же в нем было такого?

Высокие, четко очерченные скулы. Бездонные темные глаза. Чувственные губы, изогнутые в сладострастной полуулыбке. Селена хотела было завязать вежливую беседу, но соседка опередила ее. Поначалу Селена даже не расслышала ее шепота. Вспоминая впоследствии эту их первую встречу, она, как ни пыталась, так и не смогла объяснить себе, почему произошло то, что произошло.

Вероятно, между ними образовалась странная глубинная связь – из тех, которые обычно застают врасплох, словно неожиданно вмешавшаяся влюбленность. А может быть, сказалась задержка поезда, застывший вагон полумрак и бессилие, с которым они ожидали отправления.

Женщинам не чужда была мгновенная близость. Селена и сама не раз сталкивалась с подобным. Чтобы узнать друг друга, хватало взгляда. Превращение наивной девочки в женщину, близкие каждой надежды и мечты, бесплодность усилий ради их достижения, победы, оборачивающиеся вовсе не желанными результатами, никем не подаренные хрустальные туфельки, невстреченные Прекрасные Принцы, сложные прически, после которых раскалывается голова, слишком туго стянутые волосы, вгрызающиеся в кожу заколки, разочарования, принятие реальности, счастливые воспоминания.

нения о настоящей любви, о преданной дружбе, о рождении детей – все это можно было прочесть в глазах совершенно незнакомой женщины. Какой путь она прошла, как изменилась, преодолевая раскиданные на нем мирозданием – обладавшим весьма незаурядным чувством юмора – уступы и обрывы.

– Ты когда-нибудь жалела о своих поступках? – повторила женщина.

Она говорила очень тихо, почти шепотом. Это могли быть просто мысли вслух – Селена, например, частенько вела беседы сама с собой. Душевные беседы в душевой.

– С кем ты разговариваешь? – недавно поинтересовался Оливер – он был старше и любопытнее брата.

– Сама с собой, – призналась она.

– Странная ты.

В собственном лице она всегда находила заинтересованного слушателя и всезнающего психотерапевта, от которого нередко получала отличные советы.

– Да, – ответила Селена незнакомке. – Конечно, жалела.

За жизнь – с самого детства – накопилось немало таких вещей. Она жалела, что в пятом классе не пригласила Марти Джаспер на свой день рождения. Марти была чудаковатой, порой даже неприятной. Дети избегали ее. Они не дружили, но Селена раскаивалась, что не позвала ее – не проявила участия. Она жалела, что на спор рассталась с девственностью, потеряв в итоге лучшую подругу. Жалела о том, что в

колледже неоднократно проводила ночи в чужой постели – без обязательств, зато со всеми присущими подобнымключениям рисками и опасностями. Жалела – еще как! – о своем бывшем, Уилле, за которого, все думали, она выйдет замуж. Жалела, что мало кормила грудью, и дети – как знать, не из-за этого ли? – выросли привередами. Жалела о многом – ее переживаний хватило бы на целую книгу.

– Я сплю со своим боссом, – выпалила женщина.

– Ох, – отозвалась Селена, не ожидавшая подобного откровения, но и не удивленная им. – Так вот в чем дело.

В прошлом году ее близкая подруга Леона переспала с боссом. Он был женат, она – замужем. Страшная неразбериха.

– Если я порву с ним, – продолжала ее соседка, – ситуация может стать только хуже. Он хочет уйти от жены – ко мне.

– Ого! – Селена заинтересованно подалась вперед. Она почувствовала какое-то скабрезное удовольствие – восхитительную возможность сбежать от собственной драмы.

– Его жена владеет компанией, – рассказывала женщина, – в которой мы оба работаем.

Селена хмыкнула и покивала. Она не могла подобрать слов. Иногда достаточно было выслушать. Нередко людям просто хотелось выговориться – когда многое накопилось, когда уже не хватало сил держать все в себе, но имелся миллион причин не делиться переживаниями с близкими. Потому-то люди и шли со своими проблемами к барменам и па-

рикмахерам.

Порой незнакомцы могли стать единственной в жизни душиной.

Женщина повернулась и взглянула на Селену в полумраке замершего вагона.

– Простите меня, – проговорила она, широко распахнув глаза и прикрыв рот рукой. – И что на меня нашло...

– Очевидно, – по-матерински понимающе отозвалась Селена, – вам нужно было выговориться.

Селена знала, каково это. Она никому не рассказывала о Грэме. Ни матери, ни сестре, ни Бет. Боль сдавливала грудь, жгла изнутри. Выпустить ее стало бы непревзойденным облегчением. Но как она могла кому-то пожаловаться? В глазах окружающих их союз был сказкой – с любовью с первого взгляда и непременно «долго и счастливо». Все им завидовали – а они скатились в жалкую, убогую реальность. Сломались – возможно, непоправимо.

Поезд по-прежнему не двигался. Селена чувствовала, как вместе с расплывающейся за окнами темнотой сгущалось ее отчаяние. Царящая в вагоне тишина угнетала.

– Я Марта, – представилась женщина, протягивая ей руку.

– Селена. – На ощупь ладонь Марты была прохладной и нежной, но рукопожатие оказалось крепким.

Порывшись в сумке, Марта выудила оттуда две крохотные – такие бывают в мини-барах – бутылки водки и протянула одну Селене. Та с улыбкой приняла угощение. Мар-

та напомнила ей лучшую подругу Бет, у которой был целый запас миниатюрных флакончиков: шампуней, увлажняющих кремов, антисептиков, ополаскивателей для ротовой полости и, конечно, бутылочек с выпивкой. Она затаривалась в отелях, складывая добычу в чемоданы и сумки. Что бы кто ни попросил: иголку с ниткой, расческу, освежитель дыхания, лосьон, – Бет непременно находила в гигантской сумке, которую повсюду таскала с собой.

Марта откупорила бутылочку. Поколебавшись, Селена последовала ее примеру.

– За хорошее окончание дерьмового дня, – предложила Марта. Они чокнулись. Селена огляделась в поисках проводника: насколько она знала, распивать алкогольные напитки в поездах запрещалось. Она почувствовала радостное возбуждение, которое всегда испытывала, нарушая правила.

– За него! – поддержала тост Селена.

Она почувствовала, что глоток теплой водки сразу же зарумянил ее щеки. Второй принес желанное облегчение. Погрузившийся в сумрак поезд, казалось, и не думал оживать. Некоторые пассажиры вполголоса переговаривались по телефонам. Через проход от них, положив голову на свернутую куртку, дремал мужчина.

Селена достала завибрировавший в кармане телефон. Входящий вызов оказался видеозвонком.

– Нужно ответить, – пояснила она, протягивая выпивку обратно. Марта кивнула и взяла у нее бутылочку.

Она ткнула кнопку приема вызова, и на экране появились лица ее мальчиков, кучкующихся, чтобы влезть в кадр. Убавив громкость, она поднялась и вышла в тамбур.

– Мама! – воскликнул Оливер. – Ты где?

– Застрыла в поезде, дружок, – тихо ответила она. – Увы. Почитали на ночь?

– Папа читал «Мальчика, у которого было слишком много игрушек», – отчитался Оливер.

– Опять, – вмешался Стивен.

Дети не очень любили, когда им читал Грэм. Он делал это без должного энтузиазма, ограничиваясь одной – выбранной им самим – книгой. На обсуждение его выбор не выносился. Селена же читала им целый час – те истории, которые они сами хотели слышать. После этого она нередко оставалась лежать на полу в их комнате, ожидая, пока мальчики уснут. Иногда даже задремывала, и Грэму приходилось ее будить.

– Как вернусь – обязательно зайду к вам и поцелую, – пообещала она. – Надеюсь, я не слишком тут задержусь.

Она снова поискала взглядом проводника или кого-нибудь еще, кто мог бы прояснить ситуацию, но персонал словно испарился. Какого черта они вообще стояли?

Стивен, белобрысый и временно лишенный двух передних зубов, начал рассказывать о мальчике из садика, который сначала взял ножницы и обрезал себе челку, а потом, когда пришло время собираться домой, принялся рыдать. Оливер жаловался на невкусный полдник и просил, чтобы завтра

ему дали с собой изюма.

– Ладно, парни, – наконец прервал их Грэм. – Пора спать. Невзирая на протесты, он забрал у сыновей телефон.

– Я люблю тебя, мама! – в унисон закричали дети.

– И я вас люблю, мальчики! – ответила она. – Я скоро.

– А меня? – спросил Грэм, влезая в кадр, – темноглазый, небритый, взъерошенный, с кривым носом, неправильно сросшимся после полученной в ходе футбольного матча травмы, и этой своей дьявольски распутной улыбкой. – Меня любишь?

– Да, – постаралась она ответить как можно более неприужденно. – Ты и так это знаешь.

Перед ее глазами всплыл непрощенный образ распластавшейся на нем Женевы. Селена попыталась отогнать от себя эту зацикленную в сознании картинку – но с тем же успехом она могла бы попробовать отрешиться от бубнящего в другой комнате телевизора или орущей за стеной музыки. Сердце болезненно сжалось. Должно быть, это отразилось на ее лице.

– Что такое? – нахмурился Грэм.

– Мне пора, – ушла она от ответа.

– Как скажешь... – Он потер глаза, затем снова посмотрел на нее. – Говори, если что.

Он пребывал в неведении, понятия не имел, какую она разузнала тайну. Если бы она не видела то, что видела, она бы ни за что не догадалась о происходящем. Грэм вел себя как

обычно – те же интонации, мимика, жесты. Она не знала, как это трактовать. Верить в то, что интрижка ничего для него не значила? Что он вовсе не думал о ней? Или же признать в нем искусного лжеца и изменщика, запросто способного похоронить чувство вины и гложущие его сожаления? Лицо на экране на мгновение показалось ей лицом незнакомца.

– Грэм.

– Что?

– Проверь, пожалуйста, стиральную машину и закинь белье, если оно там есть, в сушилку.

Он закатил глаза, будто она поставила перед ним совершенно непомерную задачу.

– Ладно. Хорошо.

Не проронив больше ни слова, она сбросила звонок. Его лицо ненадолго застыло на экране – и пропало.

Вернувшись в вагон, Селена рухнула на свое место, забрала у Марты бутылочку и сделала еще один большой глоток.

– Тебе, похоже, повезло с семьей, – сказала Марта и тут же виновато вскинула ладонь. – Невольно подслушала.

– Еще как повезло, – согласилась Селена.

Разве можно было ответить иначе? Только «мы счастливы» и «я так благодарна судьбе».

Это было правдой – она думала так едва ли не каждый день. Пока не переставила камеру.

– Это повторится, дорогая, – как обычно, вкрадчиво и мягко предупреждала ее мать после случая в Вегасе. – Од-

нажды изменщик – всегда изменщик.

Но Селена ее не послушала. Грэм вовсе не был похож на ее отца, который беспрерывно крутил романы на стороне. Мать, Кора, говорила, что не разошлась с ним только ради дочерей, Селены и ее сестры Марисоль.

У Селены с Грэмом отношения складывались не так, как у ее родителей. Тот первый случай совершенно точно нельзя было назвать романом. Они ходили к психотерапевту. У них все было... по-другому. Во всяком случае, так она себя успокаивала.

– Ну, и что будешь делать? – спросила Селена в надежде отвлечься от собственных перипетий. – С боссом.

Марта пожала плечами и откинулась назад, чтобы они могли смотреть друг на друга, а не в спинки передних сидений. Взгляд ее затененных густыми ресницами миндалевидных глаз одновременно завораживал и обжигал.

– Ты когда-нибудь мечтала о том, чтобы проблемы разрешились сами собой? – со вздохом поинтересовалась Марта.

– Было бы очень здорово, – честно ответила Селена. Бросив оценивающий взгляд на свою бутылочку, она обнаружила, что та почти пуста. Быстро же она с ней разделалась. Она расправила плечи. По телу разливалось долгожданное расслабление.

– Вот бы он просто потерял ко мне интерес, – продолжала Марта. – Встретил бы кого-нибудь еще.

Эти ее слова задели Селену за живое. К горлу подступи-

ла ослабившая было хватку печаль. Сдержать наворачнувшиеся на глаза слезы у нее не получилось. Из всех женщин он выбрал именно няню! Как пошло!

– О нет... – Марта выглядела пораженной. – Я что-то не то сказала?

– Прости, – выдавила Селена, утирая слезы выуженными из сумки салфетками.

– Поделись, – предложила Марта. – Раз уж мы тут играем в тайную исповедь.

И она, не задумываясь, поделилась. Рассказала встреченной в поезде незнакомке о своих «подозрениях», будто муж спит с няней, пока сама она не покладая рук работает, чтобы содержать семью. Тот факт, что камера поймала их с поличным, она опустила – к чему такие подробности? Да и разве не странно было наблюдать за ними – дважды – и ничего не предпринимать?

– Прости, – повторила Селена, закончив исповедь. – Сама не знаю, что на меня нашло.

– Очевидно, – улыбнулась Марта так же тепло, как в ответ на ее признание улыбнулась Селена, – тебе нужен был *кто-то*, чтобы выговориться.

Марта достала еще одну бутылочку «Серого гуся»⁴. Ее тонкие бледные пальцы украшал безупречный кроваво-красный маникюр. Колец она не носила. Селена открыла бутылку и сделала глоток. Она заметила, что внимание Марты при-

⁴ Grey Goose – французская водка премиум-класса. – Прим. пер.

ковано к ее помолвочному кольцу с бриллиантом. (Женщины часто бросали завистливые взгляды на весьма приличных размеров камень.) Было приятно выплеснуть боль наружу. Сбросить эту тяжесть с души – хотя бы на время.

– Наверняка ты не знаешь, так ведь? – уточнила Марта.

Селена покачала головой.

– У тебя есть причины сомневаться в нем? – продолжила Марта.

– Нет, – соврала Селена. – Только предчувствие.

– Ну... – Марта подняла свою бутылочку, и они снова чокнулись. – Надеюсь, ты ошибаешься. А если нет – пусть получит по заслугам.

На последней фразе ее губы скривились в столь дьявольской улыбке, что Селену пробрала дрожь. Чего он заслуживал? Что вообще могут заслужить люди?

– Мужчины... – протянула Марта, не дождавшись ответа от Селены. – Такие ущербные, неотесанные. Испоганили весь мир. – Голос женщины ожесточился, взгляд стал немного отстраненным. – Только и делают, что все портят.

Селена почувствовала странное желание заступиться за мужчин, даже за Грэма. В конце концов, она сама воспитывала двух сыновей. Но слова застряли у нее в горле. В чем-то Марта была права. Войны, глобальное потепление, геноциды, секты, изнасилования женщин и детей, убийства, большинство прочих преступлений – почти все беды на Земле происходили по вине мужчин, которые на протяжении тыся-

челетий разносили мир.

– Ты когда-нибудь мечтала о том, чтобы проблемы разрешились сами собой? – повторила свой вопрос Марта. – А тебе и палец о палец не пришлось бы ударить?

Но проблемы так не решались. Селена вдруг осознала, что Марта спала с чужим мужчиной. Что, вероятно, эта женщина, владелица компании, доверяла своему мужу и своей сотруднице так же, как доверяла Селена. Содержала семью, не подозревая, что муж кинулся трахать первую подвернувшуюся ему симпатичную девушку.

– Ну, допустим, твоя проблема – как она могла бы решить-ся? – спросила Селена, смахивая подступившие слезы.

– Сегодня я думала о том, как было бы здорово, если бы он просто... умер. – На ее губах заиграла гнусная улыбка. – В автомобильной аварии, или от сердечного приступа, или стал бы жертвой уличных разборок. Тогда я бы сохранила свою работу и свою репутацию.

Марта тихонько захихикала, мило и по-девчачьи, и сделала еще один маленький глоток из своей бутылочки. Она наверняка пошутила. Или?.. Селена слегка отодвинулась и прижала сумку к груди.

– Никогда больше не буду такой глупой, – продолжала Марта. – Не стану стелиться под привилегированное чудо-вище, только чтобы не вылететь с работы.

Селена задумалась, не могла ли Женева оказаться в подобной ситуации. Неужели Грэм начал к ней приставать, и

она отдалась ему только из страха потерять место? Выглядело это вовсе не так. Но она видела лишь одну сторону медали. У Грэма *действительно* были рычаги давления. А Женева *действительно* едва сводила концы с концами и не могла позволить себе не работать даже короткое время.

Вдруг свет замигал, и поезд качнулся вперед. Селена почувствовала прилив надежды – но почти сразу снова погрузилась в апатию.

– Затор на путях был успешно устранен, – донесся из динамиков голос проводника. Мужчина рядом с ними резко проснулся, растерянно огляделся, сел повыше и полез в телефон. – Отправление состава ожидается в скором времени. Приносим свои извинения за доставленные неудобства.

Мужчина подхватил портфель и направился в другой вагон.

– А ты – как бы ты решила свою проблему? – поинтересовалась Марта, сверля Селену напряженным взглядом.

Селена сжала губы в кривоватой улыбке.

Одиноким женщины не понимали замужних. Не понимали, сколько сложностей накладывают на жизнь брак и дети и на какие жертвы и компромиссы приходится идти день за днем, чтобы эта хрупкая конструкция не развалилась.

«Мою проблему решить невозможно», – подумала Селена.

Развестись, стать матерью-одиночкой и отправлять детей к отцу на выходные и праздники? Остаться? Уволить Жене-

ву – няню, которую мальчики так любили, – по какой-нибудь понятной им причине, которая не посрамила бы в их глазах Селену и не уничтожила бы их любовь к отцу? Затем уйти из агентства Бет и жить на сбережения, пока Грэм не найдет себе новую работу? Поговорить с ним напрямую и снова пойти к психотерапевту, который, быть может, подскажет, как жить дальше? Любое решение порождало целый ряд новых проблем, на решение которых у нее просто не было сил.

– Например, пусть она *исчезнет*, – по-змеиному прошипела Марта. – И ты сможешь сделать вид, будто всей этой истории не было.

Селена встретила с ней взглядом. Смотреть в ее глаза было все равно что смотреть в бездну – глубокую, холодную, пустую. От водки Селену слегка затошнило.

Что, *если* однажды Женева действительно не придет на работу? Исчезнет. Селена готова была поспорить, что, оказавшись главной нянькой, Грэм примется искать работу куда активнее. Вероятно, у Селены даже *получилось* бы забыть этот инцидент. Отсутствие ЖENEVЫ сильно упростило бы ситуацию. На секунду это даже показалось возможным. В конце концов, ее мать ради сохранения семьи проглатывала обиды десятилетиями.

Но нет. Она не могла. Не могла забыть то, что видела, что знала теперь о своем муже. Она не была похожа на свою мать. Не стала бы задвигать себя ради детей. Ведь не стала бы?

Наконец в вагоне зажегся свет. Поезд ожил и рванулся

вперед. Селену мутило. Сердце бешено колотилось. Она начала собирать свои вещи.

– Да уж, – сказала Селена, выдавливая из себя смешок. – Не думаю, что мне так повезет.

– Никогда не знаешь наверняка. – Марта задумчиво накручивала на палец прядь своих темных шелковистых волос. – Плохие вещи происходят постоянно.

Селена пересела на место через проход.

– Думаю, можно рассредоточиться, – пояснила она Марте, наблюдающей за ней с вежливой улыбкой. – Немного пространства не помешает.

Кивнув, Марта подняла с пола сумку и вернула ее на место.

– Спасибо за выпивку, – добавила Селена, устроившись. – И за то, что выслушала.

– Тебе спасибо, – поблагодарила Марта в ответ. – Мне стало легче. Кажется, я даже знаю, что делать.

– Иногда людям нужно, чтобы их выслушали.

– И толкнули в нужном направлении.

Селена не горела желанием узнать, что она под этим подразумевала. Что-то в разговоре, в тоне собеседницы, а может быть, в водке, вызвало у нее странное чувство неловкости и желание поскорее закончить разговор. Зачем она вообще стала рассказывать этой незнакомке свою историю? Зачем выболтала такие личные подробности?

Она принялась листать глянцевые страницы журнала,

пестрящие невероятно стройными телами, безупречными лицами и завидными чужими успехами. Некоторое время спустя она снова посмотрела на, казалось, успевшую задремать Марту. Женщина не пошевелилась, даже когда поезд начал притормаживать, подползая к конечной для Селены станции. Селена собрала вещи и ускользнула так тихо, как только могла, – не прощаясь, не оглядываясь, надеясь никогда больше ее не встретить.

Глава четвертая

Женева

Женева загрузила тарелки из «Крэйт энд Баррел»⁵ в посудомоечную машину и протерла глянцевую кварцевую столешницу. Грэм был наверху – пытался читать на сон грядущий скачущим по комнате детям. Его монотонный бубнеж сопровождался тяжелым стуком от приземлений прыгающих с кроватей на пол мальчиков и вторящим им жалостливым дребезжанием стекол. Ни Селена, ни Женева этого бы не потерпели. Чтение было призвано успокаивать, а не раззадоривать детей.

Она выбросила остатки ужина и поставила в холодильник завернутую в пищевую пленку порцию Селены, хотя, вероятно, та успела перекусить в городе.

– Прости, – прошептала она, закрывая дверцу. Она *действительно* сожалела. Женева нравилась Селена, она вызывала уважение. Меньше всего на свете она хотела причинить ей боль подобным предательством. Худшим из всех, какие может совершить женщина по отношению к другой женщине.

Она привыкла к нему – к этому жгучему чувству стыда. Настолько привыкла, что почти наслаждалась им. Его пла-

⁵ Сеть мебельных магазинов. – Прим. пер.

мя расползалось от груди, облизывало щеки, охватывало низ живота, вместо сердца оставляя выжженное пепелище.

Почему? Зачем она так поступала? Раз за разом. Она ведь не хотела этого.

Причина у нее была – одна весомая причина. Но этот раз станет последним. Она откладывала деньги – и уже почти накопила на свою свободу.

Устроившись за столом, она принялась за записку Селене: «Оливеру нужна новая рубашка для школьной формы, заказать ее можно в школьной канцелярии. Воспитательница Стивена... – которая казалась Женеве немного туповатой – ...жалуется, что в последнее время он много болтает и отвлекает других детей от занятий, несмотря на замечания».

Стивен и правда был довольно неугомонным, но милым и обаятельным творческим ребенком. В любом случае разбираться с ним и его воспитательницей предстояло Селене. Женеве повезло с работой, которая заключалась всего лишь в выявлении проблем, а не в их *устранении*. С этой точки зрения няней быть куда лучше, чем мамой: после работы можно уйти домой.

Шариковая ручка казалась непривычно тяжелой.

Она все еще чувствовала вкус Грэма на своих губах.

Впервые она увидела его, когда пришла к Селене и мальчикам на собеседование. Женева приняла его за подрядчика, нанятого для выполнения дел по хозяйству, на которые у вечно занятого на престижной работе отца семейства не бы-

ло времени. В тот день он разбирался с окружающим их просторный задний двор низеньким забором каменной кладки.

Она видела его на фотографиях в социальных сетях, когда разнюхивала информацию. Однажды столкнулась с ним в поезде. Чисто выбритый, сосредоточенный, в дорогом костюме и хороших ботинках, он возвращался домой с работы. Но мужчина, встреченный ею дома, настолько мало походил на знакомого ей мужа Селены, что она его не узнала.

– А вон Грэм, – кивнула в его сторону Селена, когда показывала Женеве огромную кухню. – Иногда ты будешь с ним пересекаться. Но в основном, надеюсь, он будет пропадать на собеседованиях. – Неправильно трактовав растерянное выражение лица Женева, Селена пояснила: – Мой муж.

– Ах да, – спохватилась Женева. – Точно.

С минуту она смотрела, как он укладывает булыжники. Несмотря на то что он взмок от физического труда (а может быть, и вследствие этого), в нем чувствовалась некая мужественность. Одет он был в простые джинсы, футболку и рабочие ботинки. Он успел прибавить в весе с тех пор как она видела его в последний раз, но остался таким же широкоплечим. Руки бугрились рельефными мускулами. Он пробуждал влечение. А легкая небритость была ему даже к лицу.

И все же... Глядя на Селену, стройную, смуглую, с тонкими, благородными чертами лица и безупречной кожей, Женева не могла не задаваться вопросом: знала ли она, что мужу до нее – как до Луны? Почему столь многие женщины со-

вершенно не умели себя ценить? Селена не только выглядела эффектно – она была умна, харизматична и показала себя отличной матерью. Казалась одной из тех Чудо-Женщин⁶, которых штамповала современная культура.

А Грэм – чтобы раскусить его, хватало беглого взгляда. Возможно, одного только взгляда достало бы не всем. Возможно, только ей – она хорошо разбиралась в людях. Почти сверхъестественно хорошо. Он был большим ребенком. И погремушкой, которой он начинал колотить по полу, если не получал желаемого, ему служила окружающая действительность. Женева часто сталкивалась с подобными мужчинами – отцами доверенных ей детей. Слишком часто.

Она знала, что пришло время подумать о новой работе. Она не годилась для всех этих игр, и особенно – их последствий. И проблема была не в детях – их она любила. Проблема была во взрослых. В первую очередь, в мужчинах.

Женева закончила с запиской. Сверху вместо стука теперь доносились болтовня и смех Стивена и Оливера, сопровождаемые тем же монотонным бормотанием Грэма. Она подумала, что, вероятно, ей не стоит возвращаться в этот дом завтра. Она еще раз прошлась тряпкой по столешнице, отодвинув в сторону большого игрушечного робота – очень забавного, с шестеренками и огромными красными глазами.

– Опасность! Опасность! – провозгласил потревоженный робот среди прочего.

⁶ Супергероиня из комиксов DC. – *Прим. пер.*

Это была одна из тех неумемных, раздражающих игрушек, которые дети обожают, а родители ненавидят. Мальчики за-
теяли из-за робота драку – и Женева на время забрала его. Теперь его следовало отнести в детскую комнату, но ей не хотелось возвращаться туда. На место преступления. Она решила оставить игрушку у плиты.

Женева покидала вещи в сумку, не забыв упаковать в герметичный контейнер порцию ужина, которую она приготовила для себя, – питание входило в ее контракт. Она тихо выскользнула из дома и заперла за собой дверь.

Не успела Женева проработать в семье Мерфи и недели, как Грэм начал обхаживать ее, вертеться рядом всю первую половину дня, пока Стивен был в детском саду, а уже первоклассник Оливер – в школе. Младшего она забирала в половине первого, старшего – в половине третьего. До этого времени она занималась домашним хозяйством и выполняла различные поручения Селены.

Грэм ни с того ни с сего объявлялся в прачечной и принимался болтать о том, как в колледже он играл в футбол, как мог бы стать профессиональным спортсменом, если бы не травма колена, – да уж, да уж. Рассказывал, как ему пришлось отклонить предложение по работе, но он не мог поступить иначе, ведь «почувствовал, что это не его». От него исходила фальшивая напыщенность, свойственная некоторым мужчинам, призванная скрыть загнанное поглубже чувство неполноценности. Она пыталась дать ему понять, что

не заинтересована. Не смотрела в глаза. Отвечала вежливо, но односложно. Бросала:

– Ох, мне уже пора бежать – нужно успеть сделать кое-что до мальчиков.

«Твоих мальчиков, – добавляла она про себя. – Мать которых вас всех содержит. Пока ты занимаешься *черт-те чем*».

Она хотела уйти, пока не стало слишком поздно. Иногда подобные ситуации упорно не сходят на нет – и приходится вырывать сразу с корнем.

Но Селена рассыпалась в благодарностях и похвалах. Мальчики – обласканные, любимые – были милыми и послушными. Дом – стильным и уютным. Женева нравилось оставаться одной на хозяйстве – никто не мешал притворяться, будто этот прекрасный коттедж принадлежал ей. Иногда она рылась в ящиках Селены – изучала ее косметику, духи, красивое нижнее белье. Она никогда ничего не трогала. Только рассматривала.

В первый раз он взял ее в прачечной, прямо на сушилке. Буднично и естественно. Словно это было чем-то само собой разумеющимся.

Она знала, что не обделена внешностью. Возможно, секрет ее привлекательности заключался в чуткости – у нее был самый настоящий талант заботиться об окружающих. Она наслаждалась этим, хотела отдавать, хотела быть удобной. Детям. Старикам. Животным. Она любила проявлять доброту и помогать. Вероятно, именно поэтому она совершенно

не умела говорить «нет» — даже когда хотела.

Она выскользнула в прохладную ночь. Перешла через дорогу, села в свою «Тойоту». В комнате мальчиков все еще горел свет. Грэм был не худшим отцом из тех, кого она встречала. И даже не худшим мужем. Этого звания мог бы удостоиться ее собственный родитель, с которым она и знакома-то не была. Едва ли она сумела бы опознать его, как опознают подозреваемых в полицейских участках.

Женева дрожала — было холодно выходить из тепла в ночь. Она нажала кнопку запуска своей новой машины — утешительного приза, доставшегося ей в результате последней трагедии. Двигатель ожил, приборная панель засветилась. Люди перестали говорить друг с другом — и ей это нравилось. Миром правил «Инстаграм». Пользователи транслировали вовне только лучшие моменты своих жизней, изрядно припудренные встроенными фильтрами, а все остальное старались похоронить подальше от чужих глаз. Все скучное, постыдное, порочное. Все неудачные предприятия и начинания. Все это было надежно спрятано. Но куда?

Она тронулась. Воздух в машине постепенно нагревался, напряжение уходило. Она не стала включать музыку, не стала доставать смартфон. До дома было рукой подать — она жила прямо за железнодорожными путями, поодаль от просторных коттеджей и ухоженных парков, за супермаркетом и кладбищем. Ее аккуратный низкий многоквартирный домишко примостился напротив искусственного озера с бю-

щим из центра фонтаном. Берега были облеплены деревьями и скамейками, поблизости пестрела детская площадка. Пруд облюбовало семейство уток – птицы возвращались сюда каждый год. Район не был фешенебельным, но в отличие от мест, где она жила раньше, не выглядел мрачным и заброшенным.

Она припарковалась на положенном ей месте, поднялась по наружной лестнице на второй этаж и двинулась по открытой площадке в сторону своей квартиры. Она шла, сбрасывая маску за маской, стягивая с себя образ улыбчивой няни, услужливой молодой женщины, прачки – все свои фальшивые личности.

Ее скромное жилище состояло из спальни, просторной кухни, совмещенной со столовой, и уютной гостиной. Квартира ей нравилась. Это был ее собственный уголок. Она закрывала за собой дверь – и оставалась одна. Могла выдохнуть. Она ни за что не смогла бы работать гувернанткой, обязанной проживать с нанявшей ее семьей. Она нуждалась в личном пространстве.

Телефон звякнул – она похолодела. Только бы не очередное сообщение...

Пожалуйста. Я в отчаянии.

Я не могу перестать думать о тебе.

Отвечать она не стала – только выключила уведомления о прочтении, чтобы он не знал, получила ли она сообщение. Самым разумным казалось заблокировать его.

Почему ты мне не отвечаешь?
Ради тебя я разрушил
свою жизнь.

Так все обычно и начиналось. Сперва пара ни к чему не обязывающих фраз – он уже писал ей сегодня: «Просто думаю о тебе. Надеюсь, у тебя все в порядке». Потом он переходил к мольбам. Становился все агрессивнее. Все отвратительнее.

Просто ответь – разве это так сложно?

Делать было нечего – приходилось его игнорировать.

Женева натянула домашние треники, подвязала волосы и, даже не потрудившись разогреть еду, принялась за ужин. Она сидела за кухонным столом, рассеянно наблюдая через окно за двумя устроившимися на парковой детской площадке худенькими девочками подросткового возраста. Не слишком ли поздно было детям гулять без присмотра взрослых? Вероятно, нет – несмотря на то, что за окном успело стемнеть, время едва перевалило за семь. Одна из девочек уткнулась в телефон. Другая лениво раскачивалась на качелях, прислонившись головой к цепи.

Телефон снова ожил:

Ладно, хорошо. Игнорируешь, значит?
Появляешься, рушишь чужие жизни —
и сваливаешь.

Две девочки на детской площадке напомнили ей о преж-

ней себе, о другой жизни – давней, поблекшей, едва реальной, похожей на полузабытый сон, на серию дурацкого телевизионного сериала, которую она смотрела вполглаза.

Две девочки. Одна жаждала увидеть мир у своих ног. Другая больше всего на свете хотела исчезнуть. Женева задумалась, исполнит ли кто-нибудь из них свою мечту.

Экран телефона снова загорелся:

В один прекрасный день ты получишь
по заслугам.

Она уже собиралась заблокировать его номер, но контрольный выстрел он успел сделать раньше:

Шлюха.

Это слово прожгло ее до костей. Она выронила телефон, будто он внезапно раскалился. Внутренности скрутило узлом.

«Что посеешь, то и пожнешь», – говаривала ее мать.

Ее снова обдало волной стыда. Неужели это было правдой? Конечно, нет. Иногда плохое случается даже с хорошими людьми, а хорошее – с плохими. Ее сестра часто повторяла, что справедливость люди добывают себе сами.

Женева подошла к окну, но девочек не увидела. В сгущающемся мраке детская площадка выглядела заброшенной.

Зато она увидела его машину. Темные окна, выключенные фары. Он просто сидел в ней.

Видел ли он, как она возвращалась домой?

Женева позвонила бы в полицию – но имела ли она на это право?

Он ли был преступником? Его ли следовало бояться? Или ее?

Она стояла сбоку от окна и наблюдала за машиной, пока та наконец не ожила и не уехала.

Глава пятая

Перл

Перл слушала – такая у нее была суперспособность. Она умела становиться невидимой – настолько, что люди забывали о ее присутствии в комнате. Стройная и темноволосая, она одевалась просто и носила очки в толстой оправе, которые почти полностью скрывали ее лицо. Она старалась говорить мягко, а с губ ее не сходила легкая полуулыбка. Она сливалась с окружающим миром, и в большинстве своем люди не возражали против ее общества.

В школе над ней никто не издевался – но и близких друзей она не завела. Она всегда вела себя сдержанно и любезно.

– Перл трудно не любить: она умная, хорошо учится и всем помогает. Но она настолько тихая и застенчивая... Не слишком ли много времени она проводит в одиночестве? Она всегда готова ответить на уроке, но руку поднимает редко, – участливо написал в ее безупречном табеле учитель английского языка. На сами оценки мать едва взглянула: она знала, что ее дочь – круглая отличница.

– Застенчивая? – удивилась ее мать Стелла, сверля Перл водянисто-голубыми глазами. Сколько всего скрывалось за этим взглядом! Перл почти видела всех тех женщин, которыми ее мать была, прежде чем стать ее матерью. Перл видела никому не нужного ребенка, и учившуюся в техникуме

стриптизершу, и трофейную жену, брошенную ради новой трофейной жены, и мать-одиночку, и алкоголичку, и владелицу загибающегося книжного магазина. Эти глаза заглядывали Перл в душу, насквозь видели каждую клеточку ее существа. Стелла, несмотря на все свои недостатки в роли матери, знала Перл лучше, чем кто-либо.

– Какой-какой, а застенчивой тебя уж точно не назовешь!

Верное замечание. Перл была какой угодно – но только не застенчивой.

Этим вечером пятнадцатилетняя Перл наблюдала за Чарли. Вот уже несколько недель он был объектом ее восхищения – с тех пор как появился в жизни ее матери. Чарли отличался от мужчин, которых обычно выбирала Стелла. Он был спокойным и увлекался литературой. Казался ничем не примечательным парнем. Но... Что-то мелькало, скользило, темнело в глубине его глаз. И еще в них виделась какая-то усмешка – не из приятных.

Не так давно он устроился на работу в книжный магазин ее матери: распаковывал коробки, расставлял товар по полкам, обзванивал покупателей. Перл не понимала, как Стелла смогла позволить себе нанять нового сотрудника. Магазин был на грани банкротства. Но она знала, что об этом лучше не спрашивать.

Через неделю Чарли уже подбрасывал мать домой после работы. Перл наблюдала за ними из окна: они все никак не выходили из черной машины, похожей на акулу, рычащей,

сверкающей в свете уличных фонарей.

Этим вечером Чарли возился у них на кухне – готовил, запекая, наполняя комнату светом и чудесными ароматами.

Другие – а их было много – не были похожи на этого парня. Среди них преобладали крупные громкие мужчины. С татуировками, фальшивыми улыбками и пустыми глазами. Тупые. Как правило, они не дотягивали до матери по уровню интеллекта. Тем не менее поначалу Стелла теряла голову, едва не забывала дышать. Ее улыбка не угасала, а руки дрожали. Эти чувства быстро превращались в раздражение, злость, разочарование, скуку. Случались драки и скандалы. Кричала в основном мать – мужчины пугались и безвозвратно уходили. Некоторые просто исчезали – без всяких объяснений.

Перл научилась не обращать на них внимания. В ее памяти они давно слились в единое целое. Она думала о них как о разных версиях одного и того же человека. Безобидного, никогда ее не беспокоившего и бесполезного – последнее Стелла ставила им в вину особенно часто. Ни один из них не был достаточно хорош, в каждом чего-то не хватало. У Перл осталось множество подарков – бриллиантовый браслет от Тома, айпод от Кристиана, плюшевый единорог от... как его звали?

Ее мать была стройной крашеной блондинкой с глазами цвета морской волны. Льдом и пламенем. Один из ухажеров называл ее *чаровницей*.

– Твоя мать околдовывает мужчин, – говорил он. – И мы скачем перед ней на задних лапах.

Перл такого за ней не замечала.

Мать казалась ей разве что уставшей и подавленной последствиями собственных неверных решений.

«Если бы она умела колдовать, – думала Перл, – она бы сварганила себе что-нибудь получше книжного магазина, едва сводящего концы с концами, обветшалого двухкомнатного дома на ранчо, вереницы бойфрендов-неудачников и неблагоприятной жизни работающей матери-одиночки».

Этим вечером сервировкой занималась Перл. Она наполнила кувшин фильтрованной водой и водрузила его на стол. Затем уселась в кресло и открыла блокнот.

Чарли сновал по кухне, будто провел на ней всю жизнь. Он не нуждался в указаниях – казалось, он прекрасно знал, где что находится. Даже мать не чувствовала себя на собственной кухне настолько «по-хозяйски». Перл не могла припомнить, когда Стелла в последний раз готовила что-нибудь, кроме воскресных завтраков в виде яичницы и тостов, если, по тем или иным причинам, была в настроении.

– Что ты сейчас читаешь, Перл? – поинтересовался Чарли. Погрузившаяся в раздумья Перл вздрогнула.

На плите в каком-то соусе шкворчала курица, в духовке пекся хлеб. В миске, о существовании которой она даже не подозревала, пестрел салат. У Перл заурчало в животе – она еще не ела сегодня.

– «Джейн Эйр», – ответила она.

Никто из бывших мужчин ее матери не задавал ей подобных вопросов.

– Проходите ее в школе?

– Нет. В школе мы читаем «Дающего»⁷.

– Очень разные книги, – протянул он, гоняя курицу по сковороде. – По-твоему, их что-то объединяет?

Какой чудный вопрос! Перл почувствовала прилив радости – той, которую она всегда испытывала, размышляя о художественной литературе: о чужих рукописях или об историях, которые она сама выдумывала по ночам, лежа в кровати. Она сочиняла рассказы о себе, о том, кем она могла бы стать, об отце, которого не знала, о людях, с которыми она однажды встретится, о местах, куда она отправится.

Она задумалась, машинально черкая что-то в лежащем перед ней блокноте. Классическая литература против современной подростковой антиутопии. Ей и в голову не приходило сравнивать их. Но стоило копнуть чуть глубже – сходства обнаруживались. Она подняла глаза на Чарли. Линзы его очков были такими же толстыми, как у нее. Интересно, он тоже прятался за этими большими стеклами?

– Обоих персонажей пытаются заставить поверить в то, во что они не верят, – резюмировала она.

Он удивленно вскинул брови и, улыбнувшись, принялся

⁷ Первый роман одноименной тетралогии, написанный американской писательницей Лоис Лоури в 1993 году. – *Прим. пер.*

перчить курицу.

– Объясни.

Она почувствовала странный трепет в глубине души. Страх быть замеченной. Страх открыться.

– Джейн была воспитана в убеждении, что она ничтожество, обуза, самая никчемная в семье, – начала она. – А Джонас из «Дающего» рос в обществе, которое изъяло из человеческой истории воспоминания о боли и войнах. Ни один из них не будет в ладу с собой, пока не вырвется из этих оков.

Чарли задумчиво кивнул. Его лицо было неподвижно, взгляд напряжен. Она, не осознавая, что делает, встала и подошла к столешнице – ближе к Чарли.

– Глубокое наблюдение, – ответил он. – Обе эти истории – о взрослении. В двух таких разных мирах, разделенных не одним веком. Вневременная история о юной душе, старающейся вырваться из рамок семьи и общества, чтобы проложить собственный путь. Как думаешь, почему она вневременная?

Он быстро глянул на нее и снова легко запорхал по кухне: достал из духовки хлеб, заправил салат. Как будто он жил с ними целую вечность.

– Потому что мы все должны найти его – собственный путь, – догадалась Перл.

– Именно, – кивнул он. – Общество не всегда знает, что правильно. Наши близкие пытаются вылепить из нас тех, кого они видят, но кем мы в действительности не являемся.

Иногда нам стоит просто следовать зову сердца.

Он протянул ей салатницу, и она поставила ее на стол.

– Мама будет с минуты на минуту, – сказал он.

Мама. Не *твоя мама*. Что-то интимное, собственническое сквозило в этой формулировке. Он оказался прав – по стене расползлись отсветы фар.

– Стелла говорила, что ты умная, – добавил Чарли, протягивая ей теплую корзинку с хлебом. – Интересно, знает ли она, насколько ты умная. Иногда мы не замечаем того, что находится прямо перед нами.

Перл не нашлась что ответить и почувствовала, как ее щеки запылали. Она не привыкла вести подобные разговоры с кем-либо, кроме своего учителя английского.

В дом ворвалась мама и немедленно разразилась тирадой о магазине, в котором было «не протолкнуться!».

– Купоны, которые ты придумал, Чарли, просто изумительны. А на вечер открытого микрофона уже купили билеты двадцать пять человек. Ты гений.

– Это была твоя идея, Стелла, – скромно заметил он. – Я просто подтолкнул тебя в нужном направлении.

Она бросила свои многочисленные сумки, скинула пальто, дежурно приобняла Перл.

– Еще и ужин! – обрадовалась она. – Спасибо.

Стелла чмокнула его в щеку. Перл заметила, что его рука задержалась на маминой талии. И Перл снова стала невидимой. Стелла всегда заполняла пространство собой – своей

красотой, ароматом.

Перл не возражала. Ей нравилось наблюдать из тени. Оттуда она видела все, что другие люди могли упустить.

За приготовленным Чарли ужином они обсуждали, как Стелла в век интернет-магазинов планировала поддерживать на плаву обыкновенную книжную лавку. Этим вечером мать была особенно энергичной – в таком настроении она всегда начинала трещать о своих наполеоновских планах. Она собиралась организовать клиентскую рассылку, начать онлайн-продажи, а книжным клубам при покупке предлагать магазин в качестве места для их собраний. Хотела посетить региональную книжную ярмарку, пригласить в гости местных авторов. Чарли проявлял необходимое внимание, кивал и подбадривал ее восторженными восклицаниями:

– Да! Отличная идея, Стелла!

Стелла сияла. Она широко улыбалась, доверительно сжимала руку Чарли, льнула к нему всем телом. Как правило, после ужина Перл поднималась к себе, делала уроки и читала до тех пор, пока ее не смаривал сон. Мать запиралась с Чарли в спальне. Вели они себя тихо – Перл вовсе не ощущала их присутствия. К тому времени, когда Перл вставала в школу, Чарли обычно уже уходил. Но сейчас они были вместе – и она наблюдала.

Чарли казался другим. Все остальные мужчины, сидевшие за этим столом, были пленены Стеллой, ловили каждое ее слово, восхищались ее... красотой? Красотой ли? Нет, их

манила не обертка – нечто большее, нечто, лучившееся изнутри. Что-то похожее на магнетизм. Но Чарли смотрел на Стеллу, словно довольный зритель – на танцовщицу.

– Как сегодня в школе, Перл? – вдруг спросил Чарли.

Стелла казалась удивленной – как будто она и вовсе забыла о присутствии дочери. Перл тоже этого не ожидала.

– На уроке естествознания я препарировала лягушку, – поделилась она. – Мы учились удалять сердце.

Некоторое время все молчали, уставившись в тарелки.

– Больше ничего не могла рассказать, Перл? – с отвращением поинтересовалась Стелла.

– Ого! – отозвался Чарли. – Узнала что-нибудь новенькое?

– Ну, – протянула Перл. – Я была не в восторге от лабораторной. Но она оказалась не настолько отвратительной, насколько я думала. На самом деле довольно увлекательный процесс. Разбираться в механизме, скрытом под нашей кожей. Мы почти не задумываемся о том, как работают наши внутренние органы, понимаете?

Чарли одарил ее широкой понимающей улыбкой. Стелла откинулась на спинку кресла. Перл хотела посмотреть на ее реакцию – и она ее получила. От Чарли все это не укрылось.

– Ну вот, испортила мне аппетит, – скривилась Стелла, поднимаясь из-за стола.

– Сядь, – попросил Чарли.

Перл слегка вздрогнула и глянула на мать. Он произнес это нежно, умоляюще. Но Стелле не нравилось, когда вни-

мание собеседника не было приковано к ней. И она терпеть не могла, когда ей указывали, что делать, – особенно когда ей указывали мужчины. Сейчас она взорвется? Начнет рвать и метать? Перл уже приготовилась к последствиям.

– По-моему, Перл просто пытается нас шокировать, – с ухмылкой объяснил ей Чарли. Повисшее в комнате напряжение схлынуло.

Перл не ожидала, что Стелла так легко сдастся и снова усядется за стол, бросив на нее только удивленно-раздраженный взгляд.

– Извини, – буркнула она, гоняя по тарелке кусок курицы.

– Сегодня я вынула из мышеловки в кладовке мертвую полевку, – процедила Стелла. – И это было ровно настолько отвратительно, насколько я и предполагала. Достаточно шокирующе?

Чарли накрыл руку Стеллы своей рукой.

– Тебе больше не придется заниматься ничем подобным, Стелла, – пообещал он. – Теперь это мои заботы.

– Спасибо, Чарли, – мурлыкнула она необычайно мягко и искренне. Он определенно был другим.

Перл помогла Чарли вымыть посуду, а Стелла занялась бухгалтерией. Все это время Перл чувствовала на себе его взгляд.

– Забавный ты ребенок, Перл, – усмехнулся он, перехватив ее взгляд, и, постучав пальцем по виску, добавил: – Умная.

Перл привыкла быть невидимкой. До этого момента она даже не подозревала, как это приятно – когда тебя замечают.

Глава шестая

Селена

Ее собственный дом казался ей чужим. Она въехала на подъездную дорожку и так и осталась сидеть в тихо урчащей машине. Она рассматривала свой дом, будто претенциозный особняк из журнала, красивое место, которое ей не принадлежало. Именно о таком она мечтала в детстве – о большом двухэтажном коттедже с просторными комнатами и высокими потолками, со ставнями и черепицей, окруженном разлапистыми деревьями и ухоженным садом. Она каждый год засаживала клумбы многолетними цветами – и каждый год заменяла их новыми. Летом она тщательно выпалывала сорняки, в межсезонье щепетильно украшала двор к Хеллоуину и Рождеству.

– Твой дом – это самое сердце твоей жизни, – любила повторять ее мать. Сердце Селены было разбито. Вместе с домом и, надо полагать, жизнью.

В комнате мальчиков уже было темно, сквозь задернутые шторы пробивалось лишь тусклое оранжевое свечение ночника. Она была расстроена, что не успела поцеловать их на ночь, но в то же время рада – хотя бы не пришлось сквозь силу выдавливать улыбку.

Она все еще думала о незнакомке. О ее голосе, ее словах. Она устала закрывать на все глаза. Она больше не могла при-

творяться – ни единого дня.

Она заглушила двигатель, оставив машину на подъездной дорожке – Грэму хватит места, чтобы выгнать свою. Открывая гараж, она рисковала разбудить мальчиков, а ей этого не хотелось.

Она бросила сумки в теплой светлой прихожей, прямо у двери, прошла по коридору на кухню и стала ждать.

Вошедший в комнату Грэм – красивый, приятно пахнувший – был только из душа. Ну конечно. Смывал следы содеянного.

– Привет, – сказала она. – Нам нужно поговорить.

Они встретились дождливым вечером в Ист-Виллидже⁸. Селена направлялась в крошечное заведение неподалеку от авеню А⁹ на презентацию книги известного бармена. Она опаздывала, поэтому сломя голову неслась по улице. Ветер выворачивал ее бесполезный хлипкий зонтик. Каблук подломился, и она рухнула на тротуар. Содержимое ее сумки покатилося по асфальту. Телефон упал плашмя – послышался подозрительный треск.

– Боже мой! Вы в порядке?

Она была скорее в шоке – несмотря на то, что все же умудрилась стесать колено. Крепкий темноволосый парень, одетый в стильную кожаную куртку и зауженные брюки, по-

⁸ Район Манхэттена. – *Прим. пер.*

⁹ Улица в боро Манхэттен. – *Прим. пер.*

добрал ее телефон, губную помаду и кошелек. Помог ей подняться. Растерзанный зонтик остался валяться на земле. Дождь не прекращался. Оба промокли до нитки.

– В порядке, – ответила она, смущенно усмехнувшись. – Я такая растяпа! Постоянно падаю.

Она и вправду была неуклюжей и к тому же выбирала на удивление непрактичную обувь. Городские тротуары и вовсе будто сговорились сбивать пешеходов с ног. Она почти всегда опаздывала и была очень рассеянной.

– У вас кровь.

– Ого, – ахнула Селена, осмотрев ногу. – Здорово упала.

Ручеек крови успел прочертить голень от колена до самой лодыжки. Даже не пытаясь сбежать куда-нибудь от моросящего дождя, она достала из сумки салфетку. На парня она старалась не смотреть – чувствовала себя слишком неловко. Но он, проворно выхватив салфетку из ее рук, склонился перед ней и отер кровь.

Когда он наконец, обворожительно улыбнувшись, поднял на нее глаза, такой дерзкий, такой уверенный в себе, она без памяти влюбилась.

– Я Грэм, – представился он.

– Селена.

– Думаешь, стоит рассказывать нашим детям об этом вечере? – Грэм встал и забросил салфетку в ближайшую урну.

Она чуть не расплакалась. День выдался просто ужасный: она проспала, опоздала на поезд, не по-детски напортачила

по работе, за что ее отчитал босс, который и так, казалось, был вечно ею недоволен. И этот день оказался лучшим в ее жизни. Тот далекий-далекий день.

Бедный Уилл. В то время они жили вместе. Она рассталась с ним до того, как начала встречаться с Грэмом, – она не позволяла себе даже поцелуев с другим, пока не съехала от Уилла. Разрыв вышел болезненным, но мирным, они хотели остаться друзьями.

– Ты уверена насчет этого парня? – несколько месяцев спустя спросил ее Уилл за чашкой кофе.

– Никогда и ни в ком не была так уверена, – ответила она. Сейчас Селена понимала, насколько бесчувственно это прозвучало по отношению к бывшему.

Грэм умел ухаживать: ужин в «Мэдисон Парк Одинна-дцать»¹⁰, зиплайнинг¹¹ в Коста-Рике, неожиданная поездка в Париж. Кольцо с огромным бриллиантом, врученное на катке в Центральном парке. Свадьба, сыгранная с размахом – совершенно неоправданным, – в загородном клубе ее отца, медовый месяц на Гавайях, покупка дома. Все было как в сказке.

Ты уверена насчет этого парня?

В первый раз она поймала Грэма на измене – ну, или на том, что в его глазах изменой не считалось, – когда он эсэмэсился со своей бывшей. Селена случайно заглянула в его те-

¹⁰ Американский ресторан, признанный одним из лучших в мире. – Прим. пер.

¹¹ Скоростной спуск по тросу. – Прим. пер.

лефон и наткнулась на их грязный диалог с грязными фотографиями. Сколько же было крика! После она на несколько недель уехала в город к Бет – это произошло еще до появления детей. Он умолял ее о прощении. Тогда они впервые отправились к психотерапевту.

Оказалось, Грэм страдал от низкой самооценки, пристрастия к порно (а вирт¹² с бывшей ничем не отличается от просмотра голых фотографий посторонних женщин – разве не понятно?), страха близости. Все это ей объяснил психотерапевт – конечно же, мужчина. Они проработали этот эпизод, двинулись дальше. Потом появился Оливер. Последовал новый медовый месяц, период влюбленности в ребенка, в открывшуюся им родительскую жизнь.

В следующий раз он прокололся во время мальчишника в Вегасе. Стриптизерши. Проститутка. Селена до сих пор не знала подробностей. Она предпочла не визуализировать произошедшее – ей хватало выжженных в памяти развратных фотографий его бывшей. В те выходные в Вегасе Грэм со своим другом Бредом умудрился загреметь в «обезьянник». Селене пришлось оставить Оливера с матерью и лететь им на выручку. В их жизнь вернулись походы к психологу. На этот раз доктор списал поведение Грэма на стресс отцовства – он всеми силами оправдывал его, будто был нанят в качестве адвоката. Ведь бедный Грэм взвалил на себя огромную ответственность, старался усердно работать, воспитывать де-

¹² Виртуальный секс. – Прим. пер.

тей и быть хорошим мужем. Какое тяжелое бремя! Терапии уже не хватало.

– Представьте, что он наркоман, – посоветовал ей на одном из индивидуальных сеансов новый психолог. Этот доктор не так старательно выискивал для Грэма оправдания. – Его поведение – не в вашей юрисдикции. Вы его не контролируете и не можете исправить. Не позволяйте его промахам задевать вашу самооценку. Вы должны четко обозначить собственные границы, решить, что вы готовы, а что не готовы терпеть. Брак строится на сотрудничестве. На переговорах. И обе стороны обязаны соблюдать поставленные условия.

Рождение Стивена, казалось, изменило Грэма. Младший сын был его родственной душой. Его появление словно бы успокоило мечущуюся душу Грэма. Он стал активнее включаться в воспитание, с новым рвением сосредоточился на работе, выходные проводил дома. Мальчишники остались в прошлом – благо, два его самых испорченных друга наконец остепенились.

Однажды ночью, уложив мальчиков, они стояли над кроваткой Стивена и смотрели, как сладко он спит.

– Спасибо, – прошептал он. – Спасибо, что выдержала, дождалась, пока я исправлюсь. Я больше никогда тебя не предам. Богом клянусь.

И она поверила ему. Потому что должна была. Потому что хотела. Она любила его слишком сильно – дикой, глубокой,

безумной любовью. Любила, даже когда ненавидела, когда хотела прибить на месте, когда честила его на чем свет стоит за глупость и эгоизм. Любила грубо, первобытно. Он принадлежал ей. А она принадлежала ему. Их связывала пламенная слепая преданность.

Так она думала.

Пока не случилось то, что случилось. А оттого что она верила в него, верила в них, было только больнее.

– Я видела, как она скачет на тебе, Грэм. В детской. – Она не видела смысла ходить вокруг да около.

Выражение его лица выглядело почти комичным. Ошеломленность быстро сменилась излюбленной маской невинности, затем его черты исказило отчаяние.

– Няня? – продолжила она в повисшей тишине. – Серьезно, Грэм?

Она не хотела плакать, обещала себе, что не будет. Чтобы воплотить задуманное, ей требовалась стальная решимость. Но сдержаться она не смогла. По щеке покатились одинокая слеза.

Он начал заикаться.

– Я... Это... это была *ошибка*, мгновенное помутнение, сам не знаю, как так получилось, – промямлил он. – Я был... в депрессии. Типа того. Ну, знаешь, потерял работу и все такое. А она начала приставать... Я просто... *отреагировал*.

Вот как? Он собирался обвинить во всем Женеву? Какая изломанная комедия. Которую она уж точно не хотела ви-

дочь.

– Дважды? – тихо поинтересовалась она. – Я наблюдала за вами *дважды*.

Он встал и направился к ней. Она отошла за барную стойку – так, чтобы она оказалась между ними. Как ни странно, какая-то ее часть жаждала оказаться в его объятиях, услышать от него слова утешения. Ей хотелось верить, что, несмотря на свою вопиющую неверность, он любит ее. Если бы она могла принять таблетку и забыть то, что видела, она бы это сделала.

Ты когда-нибудь мечтала о том, чтобы проблемы разрешились сами собой?

Но проблемы не исчезали по щелчку пальцев. Их приходилось исправлять – иногда скрепя сердце.

– Не подходи ко мне, Грэм, – прошипела она. – Просто убирайся. Мне нужно время, чтобы все обдумать.

– Селена.

Она сделала несколько шагов назад. Он подступал все ближе.

– Детка, – приторно-нежно проворковал он. На его лице застыли печаль и отчаяние. Она видела его таким не раз. Он всегда делал эти большие проникновенные глаза, полные искренней мольбы. Но она слишком часто его прощала.

– Пожалуйста, – продолжал он. – Выслушай меня.

Она старалась держаться спокойно, но голос звучал тихо и грустно:

– Не представляю, как ты сможешь выкрутиться на этот раз.

Он не обратил на ее слова никакого внимания – просто продолжал приближаться, пока она не оказалась загнанной в угол. Отступать было некуда.

Она терпеть не могла ощущение безвыходности. В груди снова заклокотала ярость. И страх.

Ей не нравилось выражение его лица. Оно было знакомо ей по их самым безудержным скандалам. Он ни разу не ударил ее, но иногда становился пугающе агрессивным. И она прекрасно знала – возможно, одна во всем свете, – на что он был способен в гневе.

Грэм потянулся к ней. Она взвизгнула.

– Отойди от меня, Грэм!

Взвизгнула слишком громко. Протянув руку за спину, она нащупала игрушечного робота Стивена – большого, тяжелого и твердого. Она всем сердцем надеялась, что не разбудила своим криком детей.

Глава седьмая

Энн

Показалось ли ей? Воздух в офисе был будто наэлектризован негативом. Она почувствовала это сразу – еще до того, как Эви, секретарша, которая никогда не скрывала своего презрения к Энн, одарила ее широкой улыбкой.

– Кейт хочет тебя видеть, – сообщила Эви, слегка сморщив нос и сверкнув глазами в злобном ликовании.

Ее ослепительно-белозубая улыбка контрастировала с оливковой кожей. Глаза были черными – в тон волосам. Ее инстаграм-профиль представлял собой нелепый каталог селфи вперемешку с постановочными снимками себя любимой в разных местах. С каждой фотографии на залетного пользователя смотрела ярко накрашенная, вызывающе одетая, отфильтрованная до мультяшно нереалистичной красоты Эви. Для своих немногочисленных подписчиков она ежедневно прихорашивалась и выпячивала в камеру губы и декольте. Ради нескольких лайков и пары сердец-эмоджи. К чему стремились такие люди, как Эви? К тому же, к чему стремились все в наши дни, – к популярности. Она хотела стать звездой, богатой и обожаемой, не вложив в это ни капли труда. Хотела быть идеальной. Нет. Хотела казаться идеальной.

Но совершенство всегда оставалось недостижимым. Только не в реальности. И эта заранее проигранная битва опусто-

шала ее.

Энн видела Эви насквозь, видела все слои ее личности. И ни один из них ей не нравился.

– Хорошо, – улыбнулась ей Энн. – Спасибо!

Ко всему прочему, ей не нравилось, как Эви на нее смотрела – прожигала взглядом, как будто видела то, что от других было скрыто. Вероятно, и правда видела. Некоторые люди это умели: *подмечали*, чувствовали. Такие часто становились копами и частными детективами. Или уходили в творчество, реализуя себя в живописи, литературе, фотографии. Чувствительные люди, способные улавливать энергетические волны, эмпаты.

– Знаешь, когда я смотрю в твои глаза, мне кажется, будто я плыву в никуда, – прошептал однажды ночью ее первый парень. Тогда она еще верила, что способна любить.

Но большинству людей глаза застила буря, бесновавшаяся в их собственных душах.

– Хорошего дня! – крикнула Эви ей вслед. Оглянувшись, Энн прочла в ее глазах нечто совершенно иное. Что-то определенно было не так.

Держать все под непрерывным контролем было попросту невозможно. И чем раньше человек это понимал, тем лучше. Распространенное, особенно в Америке, культурное заблуждение утверждало, что якобы судьба находилась только и исключительно в наших руках. Порождало идеи о позитивном мышлении, творческой визуализации и манифестации, кар-

тах желаний, запросах во Вселенную. Если ты можешь мечтать, то можешь и воплотить свои мечты в жизнь¹³. Отчасти Энн даже верила в подобное. И эта вера помогла ей оказаться там, где она была сейчас, придала смелости и решимости. Она не сомневалась, что добьется желаемого, и знала, что без колебаний рванет к вершинам, вызывающим у многих лишь благоговейный ужас.

Но шальная карта – на то и шальная карта. Она могла выпасть в любой момент и спутать весь расклад. Человеческий фактор. Совершенно непредсказуемая переменная. Это была одна из первых вещей, которым научил ее папуля.

Она прошла мимо кабинета Хью. самого его на месте не было. Это не показалось ей чем-то необычным – он всегда приходил где-то без пятнадцати десять. Раньше всех в офисе появлялась Кейт. Хью рассказывал, что она встает в пять утра, целый час разминается, запивает зеленый коктейль тройным эспрессо и не позднее половины восьмого оказывается на работе. Кошмар. Чего же боялись такие люди, раз не жалея загоняли себя? К чему стремились? Стремись стать лучшими, стремились как можно больше зарабатывать. Ведь быть лучшими значило для них – быть в безопасности.

Только вот... безопасности не существовало. Абсолютной безопасности.

Устроившись за столом, Энн принялась разбирать сумку.

¹³ © Цитата Уолта Диснея. – Прим. пер.

Ежедневник из «Молескин»¹⁴, ручки. Завтрак. Она не спешила. Она не собиралась бежать в кабинет Кейт, пока не возьмет себя в руки и не оценит ситуацию. Она прокручивала в голове вчерашний вечер с Хью. Хотела даже написать ему, но потом передумала.

Зазвонил телефон. Она подняла трубку.

– Да?

– Привет, Энн. – Это был Brent, помощник Кейт. – Кейт хочет тебя видеть.

– Уже иду, – весело отозвалась она.

Она подождала еще пять минут. Заставлять людей ждать казалось ей своеобразной демонстрацией силы.

Когда телефон зазвонил снова, она решила не утруждать себя ответом. Просто встала и прошла по коридору к кабинету Кейт – большому угловому помещению с мягкими диванами, книжными полками от пола до потолка и огромным письменным столом.

Раньше Энн часто представляла, как в один прекрасный день переедет в этот кабинет, – пока не поняла реального соотношения сил в компании: у руля была Кейт, а Хью, хоть и вел себя как босс, держался на своем посту только по ее милости. Кейт давала ему возможность почувствовать себя важным – ведь он явно нуждался в этом. Счастливый брак представлял собой бесконечную стратегию по удовлетворению супругами нужд друг друга.

¹⁴ Итальянская марка канцелярских товаров. – *Прим. пер.*

Брента на месте не оказалось, поэтому она без промедления ступила на мягкий ковер, ведущий к кабинету Кейт. Та сидела за столом. Прежде чем войти, Энн попыталась оценить обстановку.

Кейт казалась спокойной, но собранной и напряженной, взгляд ее был настороженным. Энн, как всегда, не могла не восхититься ее красотой. Благородные черты лица, стройное тело, коротко подстриженные светлые волосы. У Кейт было достаточно денег, чтобы вкладываться в свою и без того привлекательную внешность: ухаживать за кожей, заботиться о фигуре. Сегодня ее лицо не озаряла привычная добрая улыбка.

Она выглядела мрачной. И это не предвещало ничего хорошего. Хуже того, на одном из диванов, ссутулившись, сидел Хью. Вид у него был болезненный: кожа казалась зеленоватой, будто от отравления, а под глазами образовались темные круги. Он бросил на Энн короткий взгляд и кивнул ей. Просто кивнул.

– Доброе утро! – Энн лучезарно улыбнулась.

– Доброе утро, Энн, – ответила Кейт. – Присаживайся.

Энн послушалась. Она вытянулась по струнке, не откидываясь на спинку. Стул казался неуместно маленьким и стоял слишком далеко от стола. Она чувствовала себя ребенком в кабинете директора. Заключение перед комиссией по условно-досрочному освобождению. Подозреваемой в комнате для допросов.

Брент притворил дверь кабинета. Ей стало душно, будто из комнаты резко выкачали весь кислород.

Ее могли вызвать по самым разным причинам.

Наиболее вероятной из них был Хью. Энн спала с ним уже несколько месяцев. Он был влюблен в нее, во всяком случае, так он говорил, и даже намеревался уйти от Кейт. Не то чтобы Энн жаждала его любви или мечтала разрушить его брак. Не то чтобы любила. Не то чтобы собиралась провести с ним остаток дней.

Дело могло быть и в деньгах. Энн нашла способ незаметно переводить средства с многочисленных счетов фирмы на свой собственный. Суммы были мизерными, но накопить она успела достаточно.

А еще на нее мог пожаловаться клиент – в прошлом профессиональный баскетболист, которому не удалось забить гол Энн. На прошлой неделе он попытался за ней приударить – а она его отшила. К его большому неудовольствию. Если весь сыр-бор был из-за этого – волноваться не стоило.

Энн улыбнулась – открыто, невинно и слегка удивленно. Папуля помог ей отточить это выражение лица до совершенства.

– Люди не знают, о чем ты думаешь и что чувствуешь, – учил он. – Не позволяй эмоциям – какими бы сильными они ни были – отражаться на твоём лице.

– Итак, – заговорила Кейт. Взгляд ее был ясным, осанка – прямой. – Я сразу перейду к делу. Мы с Хью женаты уже

давно – двадцать пять лет.

Кейт сложила перед собой руки и продолжила:

– Не думаю, что ты, ввиду своей молодости, способна понять природу столь долгих отношений. Хорошие периоды сменяются плохими. Влюбленность – отчуждением. Мы оба – и я, и Хью – совершали ошибки, причиняли друг другу боль.

Энн кивнула. Она все еще старалась выглядеть открытой, только в легком замешательстве прищурила глаза – будто не понимала, почему Кейт говорит ей все это.

– Дружба и готовность прощать – вот что лежит в основе любого долгого брака.

Лучше было молчать. Это всегда было лучше.

– Итак, – выдохнула Кейт. – Вчера вечером мы с Хью сильно повздорили – по совершенно другой причине. Но в процессе он сознался, что крутит с тобой роман.

Энн поразилась спокойствию этой женщины. Она вовсе не казалась задетой. Не проявляла никаких признаков внутреннего беспокойства: не барабанила по полу ногой, не кусала губы, не заламывала рук. Взгляд ее был стальным.

– Такое случается. Ты красивая женщина. А мужчины... – Она одарила мужа слегка раздраженным взглядом. – Что ж.

Энн опустила голову, изображая стыд и сожаление, которых не испытывала. Это всего лишь показалось ей уместным в сложившейся ситуации. Кейт не сводила с Энн глаз.

Что же теперь будет? Пресловутое движение «Я тоже»¹⁵ могло бы подсобить. Уволить ее им бы вылетело в копеечку, ведь ничто не мешало ей заявить о домогательствах – а именно это она и собиралась сделать. Раздуть огромный скандал – чем больше, тем лучше. Кейт не устроило бы подобное развитие событий. Что бы на ее месте сделала Энн? Ко всем чертям уволила бы Хью, разнесла бы его в пух и прах – и продолжила бы заниматься своим делом. Кейт, конечно же, так не поступит. Единственной проигравшей останется Энн.

Черт.

Энн любила свою работу, офис, деньги, путешествия. И все испортила. Лучше бы она завела роман с Кейт.

Не дождавшись от нее никакого ответа, Кейт продолжила: – Не думаю, что ты влюблена в Хью. И – чего бы он тебе ни наплел, – уверяю, он тебя тоже не любит.

Кейт перевела взгляд с Энн на Хью и обратно. Энн было интересно, как видела мир эта умудренная опытом женщина. Кем она видела ее? Шлюхой, раздражающей оплошностью, не вписывающейся в ее упорядоченную жизнь? А Хью? Кем он был для нее – собственностью? Трофеем? Действительно ли она его любила? А если любила, то *ради чего*? Завораживающие размышления. Почему люди делали то, что делали?

Хью даже не смотрел в их сторону. Угрюмый мальчишка, у которого отобрали игрушку. Он подпер голову рукой и по-

¹⁵ Me Too (англ.) – движение, призывающее к огласке случаев сексуального насилия и домогательств. – Прим. пер.

ложил ногу на кофейный столик. Откашлялся. По комнате снова расползлась тишина. Энн даже слышала далекий, едва различимый вой сирены за толстым стеклом. Она могла бы попробовать все отрицать. Но вместо этого продолжала молчать.

«Лучше не говорить ничего, – считал папуля. – Молчание – золото».

В притворном отчаянии Энн уронила голову на руки.

– Если я не права, – снова заговорила Кейт. Голос ее звучал на удивление нежно, почти сострадательно. – Если вы двое глубоко и безумно любите и не видите друг без друга жизни – уходите. Я не буду стоять на пути истинной любви.

Энн гадала, вскочит ли он. Признается ли ей в любви, возьмет ли ее за руку, сбежит ли с ней? Она не хотела этого – действительно не хотела. И в то же время она жаждала увидеть реакцию Кейт. Но нет. Он поерзал на диване, закинул ногу на ногу, лежавшую на кофейном столике, и отвернулся к окну.

Трус.

«Деньги правят миром», – всегда говорил папуля – и был прав. А Кейт умела носить корону.

– Итак, мой вопрос, Энн, – нарушила паузу Кейт. На этот раз в ее голосе слышалась только твердая практичность. – Чего ты хочешь?

Поворот был интересный. Прямо-таки прорывной. Больше никакой чуши. И никаких эмоций – как в зале заседаний.

Как часто говорила сама Кейт: «Давайте прорываться. Время не ждет».

Энн подняла глаза на Кейт, ощутив знакомый, но оттого не менее жгучий укол зависти. Нет, это было нечто иное, нечто куда более темное. То самое чувство, которое подогрело в ней желание исцарапать красивую машину, изрезать бесценное полотно, заставить счастливого человека плакать.

Их взгляды встретились. Энн не чувствовала ничего. Ни страха, ни гнева, ни сожаления, ни разочарования, ни даже стыда. Ничего, что казалось уместным, что на ее месте почувствовали бы другие. Первой отвела взгляд Кейт. Все отводили.

– Чего ты хочешь, – повторила Кейт, уставившись на свои сложенные руки, – за то, чтобы уйти с работы, в чем бы там ни состояли обязанности, водруженные на тебя моим мужем, и подписать договор о неразглашении этого инцидента и условий его разрешения?

Перед глазами Энн замерцало. У нее снова возникло странное ощущение, словно она парила над собственным телом и сверху смотрела на себя, на властную Кейт, на побежденного, ссутулившегося Хью. Ей было любопытно, какая сцена разыгралась между ними этой ночью. Но значения это не имело. Он никогда не оставит нагретое место подле жены и детей, не покинет мир богатых друзей и преуспевающих коллег, в котором привык жить.

Ладно. Давайте прорываться.

Все было на удивление просто. Она назвала свою цену. Высокую. Принятую безоговорочно. Ей всучили визитную карточку адвоката, уведомив, что встреча состоится завтра в девять утра и что она ни при каких обстоятельствах не должна ее пропустить.

– На этом наше сотрудничество завершается, – постановила Кейт. – Позволь мне проводить тебя до выхода.

Путь назад показался Энн особенно долгим. Все глаза были устремлены на нее. Она собрала вещи – только то, что принесла сегодня с собой. Она не имела привычки хранить что-то на рабочем месте или расставлять на столе фотографии и симпатичные безделушки.

Хью остался сидеть в кабинете Кейт, когда та ушла вывести Энн из здания.

На улице, в неумолимом свете яркого зимнего солнца Энн разглядела прочертившие лицо немолодой женщины нити морщин, обвислую кожу на шее. Заметила мелкую дрожь ее изящных рук. Значит, и ей было не чуждо человеческое. В отличие от Энн, которая по-прежнему не ощущала ничего, кроме смутного удовлетворения. Она получила меньше, чем рассчитывала. Но это пока.

– Надеюсь, мы больше не увидимся, – сказала Кейт, не отпуская дверную ручку. Она не могла позволить себе покинуть крепостные стены. В уличной драке одолеть Энн она бы не сумела – обе прекрасно это понимали.

Энн кивнула. Она старалась выглядеть смущенной, но

улыбки сдержать не смогла. Кейт скрылась в вестибюле, темнота поглотила ее худую фигуру.

Ее надежда была оправданной. Кейт больше не увидит Энн. Потому что, вернувшись, она подойдет сзади. А Кейт? Просто никогда не узнает, кто нанес ей удар.

Всю долгую дорогу домой на поезде Энн анализировала проделанную работу – что она сделала правильно, где прощиталась. К тому моменту, когда она села в машину, припаркованную у изолированной электростанции, у нее в голове уже сложился четкий список ошибок и корректирующих мер. Своим самым большим промахом она считала отсутствие продуманного плана действий. Она пришла в компанию с единственной целью – работать. Но в процессе увлеклась совершенно иным. Значит, она плохо подготовилась. Не учла все возможные риски. А потом она позволила ситуации затянуться. Правда заключалась в том, что она наслаждалась Хью, наслаждалась роскошью быть его любовницей. Она потеряла контроль над ситуацией. И все же результат был хорошим. Она сыграла грязновато. Но итогом папуля будет вполне доволен.

Она съехала на длинную извилистую лесную дорогу, ведущую к дому. Небо налилось пурпурно-серым, пейзаж полосовали по-зимнему черные остовы деревьев, снег все еще укрывал ветви и землю. Она ненавидела зиму: за тишину, за пустоту, за неминуемое наступление. Хью обещал ей солн-

це и коктейли, обещал увезти ее на тропический остров. Она представляла, как теплая соленая вода ласкает кожу, почти чувствовала вкус фруктового напитка. Она позволила бы ему забрать себя куда угодно. Это не противоречило ее планам – она привыкла выжимать все до последней капли.

Она подъехала к притаившемуся за деревьями мрачному низкому дому, остановилась, заглушила двигатель. Она сидела в полутьме, стирая личину Энн. Затем вышла из машины, поднялась на крыльцо, повернула в замочной скважине ключ, толкнула входную дверь.

– Я дома! – крикнула она, оказавшись внутри. Прошла по скрипучему деревянному полу.

– Ты рано. Что случилось?

– Все пошло не по плану.

– В каком смысле?

– Не волнуйся, папуль, – ответила она, бросая сумку и снимая пальто. – Я весьма результативно поработала. К тому же я уже начала новую игру.

– Я никогда не волнуюсь о тебе, котенок. А вот остальным лучше почаще оглядываться.

– Ты знаешь меня лучше, чем кто-либо.

– Верно. Очень и очень верно.

Телефон пискнул. Увидев, кто пишет, она почувствовала прилив раздражения. Сообщения были привычно плаксивыми и паническими.

Я больше не хочу этого делать.

Это неправильно.

Неужели ты никогда не устаеть?

Мне кажется, все идет наперекосяк.

Я хочу выйти из игры.

Она не стала утруждать себя ответом. Просто поднялась наверх и сменила офисную одежду на более удобную: натянула джинсы, кофту, кожаную куртку и ботинки.

– Ты, кажется, злишься, – заметил папуля, когда она спустилась. Он сидел на диване, она видела лишь его лысеющий затылок. – На горячую голову действовать нельзя. Так ошибки и совершаются.

– Я не злюсь, – заверила она его.

Неужели ты никогда не устаешь?

Она устала. Иногда она очень уставала.

Глава восьмая

Женева

Женева терпеть не могла зимние вечера, когда солнце начинало клониться к закату около трех. Чем темнее становилось на улице, тем тяжелее – на ее душе. Она зажгла на кухне свет и загрузила посудомоечную машину. Мальчики полдничали за столом. Они всегда возвращались из школы недовольными, но сегодня это было заметно больше, чем обычно. Стивен надулся. Оливер, как всегда, склонился над книгой. Что-то висело в воздухе. Что-то было не так.

Утром она не застала никого из семьи дома. Она открыла дверь своими ключами. На кухне ее ждала записка.

«Нам нужно было уехать пораньше, – было накорябано на бумажке Селеной или Грэмом – она не знала их почерков. – Пожалуйста, заberi мальчиков в обычное время».

В доме царил беспорядок: никто не убрал со стола тарелки после завтрака и не заправил кровати мальчиков. Это выходило из ряда вон. Обычно, когда она приходила, мальчики завтракали за кухонным столом яичницей и тостами. Пока она прибирала за ними, они ждали у двери – одетые, причесанные, с ранцами и обедами в руках.

Селена любила похозяйничать по дому перед работой. Так она чувствовала, что успела позаботиться о семье. Она подкладывала записки, а иногда даже особые угощения – не

слишком вредные – в ланч-боксы мальчиков. Днем она всегда была на связи и звонила, как только дети возвращались домой. Была доступна для них в любой момент времени.

Такеры были совершенно другими: безбашенные дети, никаких ограничений на электронные устройства, родители, не желающие вспоминать о семье в течение дня, если речь не шла о чрезвычайной ситуации. Мальчики Такеров обычно встречали Женеву в пижамах, уплетая какие-нибудь сладкие хлопья.

За то, что произошло у Такеров, ей было не так стыдно.

Но Селена Мерфи была любящей и внимательной мамой. Верной женой. Честной и доброй работодательницей. Она не заслуживала того, что разворачивалось за ее спиной.

Женева сразу же принялась за уборку: застелила кровати, бросила в стирку белье и направилась на кухню. Поразительно интимная работа – копаться в чужой одежде, заправлять постели, убирать грязные тарелки. Она вытирала столешницу, размышляя о том, как близко она была – и как далеко. Наемная работница, которую в любой момент могли уволить. По-семейному «своя» – на ограниченный период времени. Расходник.

Катая в голове эти мысли, она вдруг заметила на столешнице коричневатую точку. Она подошла, чтобы стереть ее – чем бы она ни была. Коснувшись ее салфеткой, она поняла. Это была кровь.

Второе пятно темнело над плитой. Оттирая столешницу,

она чувствовала, как ее пробирает странный ужас.

Сейчас, пока мальчики перекусывали за кухонным столом, она вычищала их ланч-боксы.

– Моя воспитательница меня ненавидит, – буркнул Стивен, вернув ее к реальности, и подпер пухлую розовую щеку рукой.

– Вовсе нет, – ответила Женева, запуская посудомойку.

Воспитательница действительно снова к ней подходила. На этот раз она раздраженно сообщила, что Стивен «закатил истерику». Насколько она поняла, он просто толкнул другого мальчика на детской площадке.

– Она знает, что ты хороший мальчик, который может вести себя лучше по отношению к окружающим.

– Еще как ненавидит, – встрял Оливер, чем, конечно, не помог. Он тоже был в скверном настроении – Женева никак не могла понять почему. Оливер был молчуном. Стивен выложил бы все как на духу, но Оливер держал свои мысли при себе. – Конечно, ненавидит, ты же *сопливая кроха*.

– Заткнись! – крикнул Стивен, покраснев и едва не заплакав.

– Оливер, – строго сказала Женева. – Извинись.

– Извини, – послушно оттарабанил Оливер без тени сожаления в голосе.

У них было полтора года разницы, и большую часть времени они вели себя как члены конкурирующих банд, а не как братья. Но иногда, в редкие моменты родственной близости,

проявляли и заботу. Отношения между братьями и сестрами никогда не бывали простыми. Оливер вышел из комнаты – Стивен последовал за ним. Оба покладисто счистили остатки еды со своих тарелок – Женева осталось только сполоснуть их в раковине. На мгновение она вспомнила свою старшую сестру, снова ощутила связывающую их колкую смесь любви и соперничества, восхищения и негодования. Закончив прибираться, она постаралась выкинуть эти мысли из головы.

Несколько минут спустя она услышала топот: мальчишки бежали вверх по лестнице, снимая друг друга на видео. Она не беспокоилась, что они проводили так много времени, уткнувшись в свои айпады. Как ни странно, это занятие помогало им ладить. К тому же запись и редактирование бессмысленных видео было в своем роде творческим процессом.

Женева навела порядок в гостиной: сложила одеяло, взбила подушки. Она выключила телевизор и увидела в погасшем экране свое отражение. Взъерошенная, небрежно одетая: в мешковатую рубашку и широкие, не по размеру джинсы. Грудь выглядела просто огромной – в плохом смысле. Мужчины от этого *с ума* сходили. А ей казалось, что пышный бюст только полнит ее – а она и без того не была худышкой. Сегодня она даже не стала краситься. В отражении она напоминала себе самую клишированную домохозяйку. Только без дома и семьи.

Снова всплыли мысли о сестре – идеальной сестре, безупречной красавице, которая никогда не совершала ошибок и умело контролировала каждое свое действие. Мысли навязчивые, непрошеные.

– У тебя хоть парень-то есть? – поинтересовалась она недавно. К Женеве, ее жизненному выбору и работе она относилась исключительно критически. Женева знала, что не должна зависеть от ее одобрения, – но все равно страстно желала его получить.

Запищала, докладывая о выполненной работе, стиральная машина. Женева уже собиралась идти перекладывать белье в сушилку, когда услышала, как открылась гаражная дверь.

Черт.

Грэм.

Ее ладони вспотели. Он ведь не станет к ней приставать? Мальчишки уже были дома. К тому же в пятницу Селена могла вернуться домой в любое время. Женева направилась в прачечную, переложила белье. Она спешила убежать. Селена могла заплатить ей и в понедельник.

– Я сегодня пораньше! – услышала она голос Селены несколько минут спустя.

Мальчишки тут же ломанулись вниз по лестнице. С грохотом сбежав на первый этаж, они принялись кричать:

– Мама! Ма-а-ама! Мамочка!

«Как это, должно быть, приятно», – подумала Женева, чувствуя знакомый укол зависти. Иногда она ощущала эту

горечь – быть сторонней наблюдательницей, незваной гостьей, чужой среди своих.

– Когда ты планируешь начать жить, Женева? – снова зазвучал в голове голос сестры, звонкий, сочащийся притворным участием. – Ты же способна на большее, разве нет? Я всего лишь беспокоюсь о тебе. У тебя как будто случилась остановка в развитии.

Остановка в развитии. Так говорили о людях, которые переставали взрослеть после травмы, горя или полной, непоправимой потери любви того, кто их воспитывал. Диагноз мог бы оказаться верным. Какой-какой, а глупой ее сестра уж точно не слыла.

Разобравшись с бельем, она спустилась вниз.

Она застала Селену на кухне. Дети прижимались к ней – она, высокая и стройная, обнимала их в ответ. Оливер унаследовал ее смуглую красоту, Стивен был похож на более светлого и пухлого отца. Селена высвободилась, еще раз обняв и поцеловав каждого, и натянуто улыбнулась Женеве. Когда их взгляды пересеклись, внутри у Женевы все сжалось. В глазах Селены она заметила отстраненность и холодность.

Она все знала.

– Тебе повезло, – сказала Селена. – Твои выходные тоже начнутся пораньше.

– Здорово, – улыбнулась Женева.

– Конечно, я заплачу тебе за весь день, – любезно добави-

ла Селена.

– Спасибо.

Она не выглядела рассерженной. Если она знала... Как она могла выносить присутствие Женева? Если знала – как сумела уйти на работу? Почему притворялась, будто все в порядке? Женева вспомнила о пятнах крови на столешнице.

Она начала собираться домой.

«Прости, – хотела сказать Женева. – Ведь он мне даже не нравится. У моих действий есть причины, глубокие и запутанные, если верить моему психологу. Если бы ты знала историю моей жизни, ты поняла бы, почему я так часто ошибаюсь. А еще у меня есть сестра, и я делаю все, о чем она меня просит. Я запуталась в собственной жизни. Я не могу вырваться».

Но она ничего не сказала.

– А где папа? – спросил Оливер.

– Он уехал на выходные, – ответила Селена. – Ты должен помнить.

Нахмурившись, Оливер в замешательстве покачал головой:

– Нет.

– У него «мужские» выходные, – объяснила она. – Они с дядей Джо рыбачат.

– Это как наши игры в садике? – невинно поинтересовался Стивен, широко распахнув глаза.

– Прямо как ваши игры в садике, – задорно подтвердила

Селена. Женева попыталась улыбнуться ей, но та упорно избегала ее взгляда.

– Он не попрощался, – буркнул Оливер, не отрывая глаз от двери, будто надеялся, что в нее вот-вот войдет Грэм.

– Попрощался, – возразила Селена. – Рано-рано утром. Ты даже проснулся, неужели забыл?

– Нет, – гнул свое Оливер. – Он не попрощался.

Селена погладила его по голове и одарила любящей улыбкой.

– Ты просто не помнишь, засоня.

– Я помню, – вмешался Стивен, напрашиваясь на похвалу Селены. – Он шепотом попрощался.

– Именно, – кивнула Селена, потрепав его по плечу. Стивен бросил на все еще хмурого и недоверчивого Оливера победоносный взгляд.

– Он позвонит перед сном? – продолжал допытываться Оливер.

– Если у них ловит сеть, – спокойно ответила Селена. – Мне он сегодня не звонил. Так что я бы на вашем месте не особо надеялась.

Если Селена и была недовольна поездкой Грэма или даже история про поездку была прикрытием, перед мальчиками она этого не выказывала. Тряпка, которой Женева вытирала пятнышки крови, приобрела красноватый темный оттенок. На столешнице тоже остались едва заметные розоватые следы, отмыть которые ей так и не удалось. Она слышала, что

кровь невозможно вывести полностью. Гемоглобин остается всегда: впитывается в пористые поверхности, въедается в волокна. Она дважды промыла салфетку с отбеливателем и засунула ее к другим тряпкам в шкаф.

– Я сейчас быстро переоденусь, – сказала Селена. – Присмотришь пока за ними?

– Конечно, – с готовностью отозвалась Женева. – И если захочешь в выходные потратить часок на себя – просто напиши.

– Ловлю на слове, – по-прежнему не глядя на нее, проговорила Селена и скрылась на лестнице.

Женева усадила ребят перед телевизором и запустила им «Охотников на троллей», за приключениями которых они наблюдали едва ли не в миллионный раз. Она поцеловала обоих в лоб, наказав в выходные слушаться маму.

Затем собрала вещи, не забыв про чек, который Селена оставила на кварцевой столешнице. Ровно столько, сколько ей причиталось. Без чаевых, на которые обычно была щедра Селена.

Отношение проявлялось в мелочах. Большинство людей не замечало деталей, которые могли рассказать столько нового. Женева уставилась на чек, на витиеватую подпись Селены, на аккуратно выведенную от руки дату.

«Пора составлять новое резюме», – поняла Женева. Сестра, конечно, будет недовольна. Но у нее наверняка имелся план и на этот случай.

Она подошла к лестнице и крикнула:

– Я усадила мальчиков! Пойду.

– Спасибо, – слышался приглушенный голос Селены.

Обычно Селена оставалась поболтать с Женовой о мальчиках, работе или соседях. Но теперь все было разрушено.

Скорее всего, Селена выжидала. Продумывала план действий. Она предпочитала холодный расчет – Женева сталкивалась с подобными людьми. Они не реагировали сразу, держали все внутри. А потом наносили удар – быстрый и решительный.

Она не оглянулась ни на мальчиков, ни на дом. Пришло время уходить.

Женева шагнула в полумрак позднего вечера. Она закрыла за собой дверь, телевизор за спиной смолк. В такие холодные дни она задавалась вопросом, наступит ли когда-нибудь весна. Январь подходил к концу. Праздничные дни давно миновали, радость от них улетучилась. Оставалось только ждать наступления светлых дней под давящим серым потолком зимнего северного неба. Она была опустошена. Казалось, ничто и никогда не сможет заполнить разверзшуюся в груди дыру. Ее шаги эхом разносились по округе.

Афины. Венеция. Барселона. Целый мир. Она могла отправиться куда угодно. Денег она накопила не настолько много, насколько планировала, но какое-то время она продержаться сумеет – а потом найдет новую работу. Хорошая няня без дела не останется.

Ей нравилась семья Мерфи, и она сожалела о той роли, которую, вероятно, сыграла в происходящем. Но, что уж говорить, трещины всегда появлялись сами. Сперва маленькие, но стоило оказать на конструкцию давление, они разрастались, становились глубже, начинали угрожать ее целостности. Прочным отношениям внешние раздражители были не страшны. Некоторые мужья, в семьях которых она работала, даже не смотрели в ее сторону, пальцем ее не тронули. Это были мужчины, влюбленные в своих жен, погруженные в воспитание детей. Счастливые. Такие действительно существовали – и они никогда к ней не подходили.

Как раз перед тем как устроиться на работу в семью Селены, она присматривала за мальчиками Такеров. Они не были счастливы вместе и до появления Женева: оба, несмотря на двух детей, работали, выплачивали огромную ипотеку, ездили на арендованных машинах (она на «Лексусе», он – на начищенной до блеска «БМВ»), имели членство в загородном клубе. Их мальчишки были совершенно неуправляемыми – родители интересовались в основном работой, своими устройствами и социальной жизнью. В доме царил хаос. Эрик Такер был красив, обаятелен и... С червоточинной. Теперь это стало очевидным.

Женева была серийной разлучницей. Против воли. Она много обсуждала это со своим терапевтом, но никогда не скидывала перед доктором всех масок, не рассказывала об истинных причинах. Были в ее жизни вещи, которыми она

просто не могла поделиться. Например, из-за чего она снова и снова оказывалась в подобных ситуациях.

*Когда раз за разом происходит одно и то же, нужно при-
смотреться к ситуации повнимательнее. Снять всю мишу-
ру и понять, почему мы причиняем боль себе и другим.*

У обочины она остановилась. Может быть, ей стоило вернуться?

Попытаться поговорить с Селеной? Сумеет ли она хоть раз быть с кем-то честной? А что, если отступление от обычного сценария приведет к иным результатам?

Нет, это было первое правило: всегда притворяться, что все в порядке.

Люди – особенно женщины – терзались сомнениями в себе. Они озирались вокруг в поисках зацепок, которые помогли бы им разобраться в ситуации, – как пассажиры попавшего в зону турбулентности самолета обычно ищут ответы в лицах стюардесс. Просто продолжай улыбаться, продолжай идти. Шагом, не бегом.

Но, вероятно, если она расскажет Селене свою историю, та поможет. Она всегда стремилась подать нуждающемуся руку – даже тому, кто причинил ей боль.

Женева думала об этом, продолжая удаляться от дома.

В округе было тихо, дорогу затеняли высокие дубы. Она никогда не видела во дворах людей. Дети почти не играли на улице, не катались на велосипедах. Тротуаров попросту не было. Большие дома стояли поодаль от дороги и друг от дру-

га, хотя прилегающие участки не казались такими уж огромными.

Отличная иллюстрация современности: каждый жил в маленьком бункере, транслируя отредактированную версию собственной жизни со своего экрана на чужие. Тишину нарушали только ее шаги. Дыхание паром клубилось в холодном воздухе.

Она уже собиралась сесть в машину, когда услышала, как кто-то открыл – и тут же захлопнул дверь. Этот звук волной прокатился по всем ее нервным окончаниям.

Возникшая на дороге темная фигура двинулась к ней. Женева оглянулась на дом. В синеве раннего вечера его окна лучились теплым оранжевым светом. В других домах было темно.

Она полезла в сумку за ключами. Фигура приближалась.

Женева безуспешно пыталась найти связку. Сердце бешено колотилось. Почему в ее сумке был такой беспорядок? Но когда она подошла к машине, двери открылись автоматически. Она все время забывала об этом. О том, что в новой машине ключ был магнитным.

Почему-то она не спешила залезать в салон. Вместо этого Женева обернулась и прищурилась в полумраке, стараясь разглядеть надвигающегося незнакомца.

Кто же это мог быть? Когда она наконец его узнала, то испытала удивление, смешанное с ужасом.

– Ох, – выдавила она. – Это ты.

Глава девятая

Перл

– Ты ведь делаешь это без разрешения? – Чарли вошел в подсобку книжного магазина и увидел, что Перл копается в кожаной сумке матери.

– Ей все равно, – ответила Перл.

Она изучала маленький – и совершенно пустой – блокнот в форме сердца.

Перл любила мамину сумку, которую Стелла беспечно оставляла где только можно было. На пассажирском сиденье машины, на кухонном столе. В магазинной тележке, когда отходила поискать что-то на полках, словно подначивая кого-нибудь эту сумку украсть.

Перл она казалась волшебным мешком, полным тайн, и при первой же возможности она бесстыдно в этом мешке копалась. Там были помады всевозможных оттенков, спички из ресторанов и баров – Перл понятия не имела, когда Стелла успевала в них бывать. Зажигалка в виде женщины. Какая-нибудь книга, которую она читала в данный момент: попадался и Кафка, и творения малоизвестных зарубежных писателей, и последние бестселлеры. Беллетристика, романы, триллеры, классика, научная фантастика, фэнтези, женская проза – мать читала все подряд.

– История есть история, – считала Стелла. Для нее кни-

ги были порталами в другие миры. Способ избавиться от реальности – которая всегда проигрывала вымышленной кем-то жизни.

Упаковка презервативов. Мама спала с кем попало. Она не отличалась особой разборчивостью ни в книгах, ни в мужчинах. В кого она только не влюблялась: в строителя, во врача, в бизнесмена, в продавца.

Сладости. Они всегда были в наличии. Мармеладки, «Тик-Так», батончики «Марс», ее любимые мятные леденцы. Скомканные купюры – и почему Стелла не хранила деньги в кошельке?

– Быстрее достану – быстрее потрачу, – язвительно объясняла Стелла. – Какой смысл их беречь? Все равно испарятся, едва я их получу.

Телефонные номера на обрывках бумаги. Иногда сигареты. Один раз она нашла косяк. Зубная нить – Стелла тщательно следила за гигиеной.

– В твоей матери есть загадка, – сказал Чарли.

– Да не то чтобы, – возразила Перл. Для нее мать была открытой книгой.

– Во всех женщинах есть.

– Их видят только мужчины, – ответила Перл. – Потому что не слишком внимательны.

Чарли сидел за столом матери и копался в компьютере. По словам Стеллы, теперь он заведовал бухгалтерией. За последнюю пару месяцев он успел стать частью их жизни. Он

проводил с ними много времени и продержался дольше, чем кто-либо другой. Теперь, спускаясь перед школой вниз, Перл часто заставляла его на кухне готовящим завтрак. На прошлой неделе он вычитал ее эссе по английскому, а потом они долго обсуждали затронутую проблематику. Чарли нравился Перл, но она не хотела к нему привязываться. Она слишком хорошо знала Стеллу. В конце концов он ей надоест.

– Загадочнее женщин только девочки-подростки.

Она чувствовала на себе его взгляд. Он все время наблюдал за ней. А она все время наблюдала за ним. Пыталась его разгадать. Он был вежлив, умен, пунктуален. Хорошо ладил с клиентами. Хорошо, по словам Стеллы, управлялся с продажами. Был начитан. Знакомился с завсегдатаями и рекомендовал книги, которые могли бы им понравиться.

– Он словно из прошлого века, – сказала как-то раз Стелла. – Настоящий книжник в индустрии, которая давно перестала заботиться о качестве историй и погрязла в цифрах.

Но. Но. Но.

В нем было что-то еще. Перл была наблюдателем. Она рассматривала его, спрятавшись за книжной полкой. И никак не могла его раскусить. Симпатичный, на вид – немного «ботаник». Тощий. Всегда безупречно одетый: выглаженные рубашки и брюки цвета хаки, практичная обувь, носки, подобранные в тон штанам.

– Не поможешь сегодня с книгами? – позвал он. – Мы только что получили большую партию, новое издание Карин

Слотер¹⁶.

Он кивнул в сторону коробок у двери.

– Конечно, – согласилась Перл.

– С домашней работой успеешь?

– Да, – ответила она. – Никаких проблем. А где мама?

Чарли пожал плечами.

– Как я и сказал. Загадка.

– Сумка-то здесь, – заметила Перл, отрывая кусок жвачки «Блэк Джек»¹⁷ и закидывая его в рот.

Чарли нахмурился, размышляя.

– Я уверен, она брала кошелек и телефон. И ключи, – наконец вспомнил он.

Звякнул дверной колокольчик. На изображении с камеры слежения – монитор висел прямо на стене – они увидели вошедшую в магазин группу детей. Чарли встал и направился в зал – поприветствовать их. У двери он обернулся и улыбнулся Перл.

До Перл доносились их голоса и звонкий смех. Они раздали в ее школе рекламные листовки, и теперь во второй половине дня дети приходили в магазин на дополнительные занятия. Это была идея Чарли – одна из многих его отличных идей.

Перл взяла канцелярский ножик и осторожно вскрыла первую коробку. Она любила распаковывать книги. Люби-

¹⁶ Американская писательница детективного жанра. – *Прим. пер.*

¹⁷ Американская жвачка в виде пластины. – *Прим. пер.*

ла вдыхать аромат свежей печати, разглядывать глянцевые и матовые обложки, ощущать под кончиками пальцев рельефные буквы, чувствовать вес настоящей книги в руках, слышать шелест переворачиваемых страниц. Она любила книги в твердом переплете ничуть не меньше, чем выпускаемые для широких масс книги в мягких обложках. Любила находить им место на полках магазина.

В зале воцарилась тишина. Пришедшие учиться дети действительно учились. Она узнала одну из девочек, две другие были ей незнакомы. Школа Перл, больше похожая на тюрьму, возвышалась над округой огромным бетонным монстром. Она знала далеко не всех. На самом деле она не знала никого. Иногда обедала с другими «ботанами» – они были с ней любезны. Но в основном она держалась особняком и проводила перемены, уткнувшись носом в книгу.

В магазин проскользнуло еще несколько детей. Первым делом они направились к пончикам, затем, по примеру остальных, устроились на одном из диванов и достали блокноты и ноутбуки. Она еще ни разу не видела здесь столько людей в будний день. Если бы не онлайн-продажи и деньги, вырученные от сдачи помещения в аренду для вечеринок, встреч и собраний книжных клубов, магазин Стеллы давно бы обанкротился. Чарли был нужен магазину. И, похоже, был нужен Стелле. Да и Перл нравилось его присутствие.

Но она не позволит себе привязаться.

День клонился к вечеру. Перл расставила книги на сто-

лике у входа, предназначенном для бестселлеров. Затем она прошла по полкам перьевой метелкой, сбивая пыль с беллетристики, научно-фантастических романов, подростковой литературы и красочных книг с картинками. Закончив, она плюхнулась в мягкое кресло у самой витрины и принялась за домашнее задание.

Наконец начало смеркаться – настало время закрывать магазин. Стелла так и не вернулась.

– Думаю, мы просто встретимся с ней дома, – проговорил Чарли, хмуро уставившись в телефон. Она видела, что он писал сообщения – еще днем, то и дело бросал на экран выжидающие взгляды. Ей было жаль его – начиналось. Стелла, наверное, устала от Чарли. Признаки, отлично знакомые Перл, были налицо.

– Захватим ужин, – решил он.

Они забрали деньги из кассы и заперли магазин. Перл взяла сумки, к которым теперь прибавилась сумка Стеллы, и села в «Понтиак»¹⁸ Чарли. Всю дорогу домой он выглядел спокойным и задумчивым. Они заехали за бургерами.

Остановившись на подъездной дорожке, они увидели, что свет наверху был включен. В салоне пахло гамбургерами и картошкой фри. Перл заметила в окне тень. Силуэт ее матери в объятиях незнакомца. Нового парня – догадалась Перл.

Чарли тоже видел?

¹⁸ Первый маслкар – двухдверный седан, выпускавшийся в Америке в 60—70-х годах. – *Прим. пер.*

– Знаешь, – сказал он, поправляя очки и глядя прямо перед собой. – Просто попроси маму позвонить мне. Если она захочет.

Перл не знала, что ответить.

– Бери гамбургеры, – тихо продолжил он. – Поужинайте обе.

Бледный в свете уличного фонаря, он сжал зубы.

– Мне жаль, – сказала Перл, выбираясь из машины с сумками и едой. Она достала из пакета один гамбургер и протянула его Чарли. Когда он потянулся за ним, их глаза встретились. Он улыбнулся, она улыбнулась в ответ. У нее не было человека ближе. Она смутно понимала, как это странно. Но понимала она и то, что от себя не убежать.

Она хотела сказать что-нибудь еще, но он просто махнул ей на прощание.

В прихожей она услышала музыку и залиvistый смех матери. Затем – гулкий мужской голос. Прежде чем закрыть входную дверь, она оглянулась. Чарли все еще сидел в припаркованной перед домом машине. Что он там делал? Наверное, просто хотел убедиться, что она доберется до двери без приключений.

Она поужинала за кухонным столом в компании книги. Музыка, доносившаяся из комнаты матери, играла все громче. После ужина она прибралась: загрузила грязные тарелки в посудомоечную машину и протерла столешницу. По дому снова разнесся смех. Послышался глухой мерный стук.

Она поднялась в свою комнату, чтобы закончить домашнее задание, – там было поспокойнее. Наконец в доме воцарилась тишина.

Она была рада, что не позволила себе привязаться к Чарли.

Когда она уже собиралась гасить свет, она выглянула из окна – его машина стояла на том же месте.

Глава десятая

Селена

Стивен и Оливер проспорили весь ужин, а за просмотром фильма и вовсе подрались. Успокоились они только к ночи – чтобы послушать перед сном сказку. Даже сделали пару фотографий друг друга в кроватях, пока Селена лежала между ними на полу.

– Мальчики, будьте добры друг к другу, – прошептала она в полумраке комнаты. На потолке зеленели люминесцентные звезды. Она вспомнила, как лепила их туда вместе с Грэмом. Это заняло целую вечность, и на следующий день у обоих болели руки и спины. – Любите друг друга.

– Фу, – скривился Оливер.

– Заткнись, – огрызнулся Стивен.

– Я сейчас уйду, – пригрозила Селена. Оба замолчали, Оливер обиженно отвернулся. Стивен буквально прожигал ее взглядом. Когда он был меньше, он лежал в кровати и смотрел на нее до тех пор, пока его не смаривал сон.

На твердом полу спина болела меньше. День выдался тяжелый. Ее жизнь рушилась, но она, прилагая титанические усилия, делала вид, будто все в порядке. Улыбаться, разговаривать с клиентами, надевать маску нормальности – это выжирало силы, истощало, изматывало. Она думала, что обещанный перерыв – наполненный пустой болтовней, вежли-

вым смехом, неподвижными, накачанными ботоксом лицами и правдой, скрытой за дизайнерскими сумочками, – она и вовсе не переживет. На рабочее место она вернулась с адской головной болью.

– Ты в порядке? – спросила Бет позже, когда они ехали в такси.

– Лучше всех, – солгала она. – Просто превосходно.

Поначалу Селена не была уверена, что работать на лучшую подругу – хорошая идея. Но она оказалась отличной. Они уважали и поддерживали друг друга, слаженно действовали в команде и просто веселились. Мужчины почему-то думали, будто женщины не способны найти общий язык в профессиональной сфере. У нее же никогда не возникало проблем с коллегами-женщинами. Все было с точностью до наоборот. Свою карьеру она строила среди наставниц и подруг.

– Просто аллергия, – сдалась Селена. – Голова раскалывается.

Они с Бет дружили давно. Когда обеим было чуть за двадцать, они работали журналистами в небольшом издательстве. Через что они только не прошли: парни, расставания, смерть родителей, встречи с теми единственными, свадьбы, беременность, рождение детей, развод Бет, Микаэла – подруга, которую у них отнял внезапный сердечный приступ.

Бет кивнула и, сочувственно улыбнувшись, сжала ее руку. Мгновение она всматривалась в Селену, но затем продолжи-

ла копаться в электронной почте на телефоне. Ее идеальные ярко-розовые квадратные ногти, гипнотически постукивающие по сенсорному экрану, сверкали под стать бриллианту в кольце, которое она купила себе после развода.

– Дай знать, если захочешь поговорить, – непринужденно бросила Бет. В переводе это значило: «Если не хочешь рассказывать, что происходит, – ничего. Я с тобой».

– Все хорошо, – снова соврала Селена. – Правда.

– Как успехи Грэма в поисках нового места? – В переводе: «Когда твой муж-неудачник вернется на работу?»

– Пока ищет.

Бет бросила на нее короткий взгляд и снова уставилась в телефон. Она недолюбливала Грэма. Никогда не говорила этого вслух – но Селена все понимала по тону, с каким она произносила его имя, по выражению ее лица на общих встречах. Они не были обязаны любить мужей друг друга – хватало обычной вежливости. Видит бог, Селена почти десять лет терпела, натягивая улыбку, теперь уже бывшего мужа Бет Джона – властного жмота и изменщика. Вежливость была золотым правилом дружбы. И не только дружбы. Будь люди вежливее, мир был бы куда лучше. Вторым правилом было позволять друзьям иметь секреты. И поддерживать их, когда все летит в тартарары.

В те тартарары, в которые все полетело вчера.

Весь день она старалась не думать о скандале с Грэмом. Она вспомнила собственный голос – тихий из-за спящих де-

тей, но дрожащий от ярости. Она никогда еще не слышала его таким. Добела раскаленным. Вспомнила свои слова. Вспомнила *его* – болезненные, как удары по почкам. Какая некрасивая сцена. Когда в них появилась вся эта язвительность, вся эта злость друг на друга, ядовитой плесенью разъедавшая их союз? Черная гниль, разросшаяся под сорванными ими обоями. Заполонившая все.

– Папа не позвонил пожелать нам спокойной ночи, – буркнул Оливер.

– Видимо, не смог поймать сеть, – ответила она, глядя в потолок.

– Он не попрощался.

Селена почувствовала укол вины – за то, что произошло, за свою ложь. Она врала собственным детям. Здорово.

– Он позвонит завтра, – пообещала она. – А сейчас пора спать.

– Мама, – начал было Оливер. – Я видел...

– Не сейчас, милый, – оборвала она сына. Если бы он стал рассказывать о чем-нибудь, что видел в школе, или по телевизору, или в компьютере, разговор затянулся бы минут на двадцать. Стивен непременно встрял бы, и они принялись бы спорить. – Засыпай.

– Но...

– Оливер! – Она включила «строгую маму». – Спи.

Она задумалась, сколько раз говорила – и еще скажет – это за свою родительскую жизнь. Потому что родительский день

заканчивался, только когда дети засыпали. В жизни тех, кто еще и работал, это было единственное спокойное и свободное время, когда можно было снова стать собой и на несколько часов с чистой совестью забыть о бдительности и бесконечном перечне детских желаний и потребностей. А время ей было нужно – чтобы обдумать случившееся и понять, что делать дальше.

В поезде по дороге домой она высматривала женщину, которую встретила вчера вечером. Она хотела найти ее и в то же время страстно надеялась, что их пути никогда больше не пересекутся. В этой импровизированной исповедальне они разделили друг с другом нечто особенное, эта беседа была честнее и правдивее всей ее нынешней жизни. Она ужасно хотела выговориться – но боялась этого не меньше.

«Ты когда-нибудь мечтала о том, чтобы проблемы разрешились сами собой?» – так ведь она сказала?

Что-то в этом воспоминании, в голосе той женщины заставило ее похолодеть.

«Плохие вещи происходят постоянно».

Селена закрыла глаза – ее одолевал сон. Интересно, как скоро она сможет выползти из комнаты мальчиков? Ей не хотелось засыпать, чтобы в два часа ночи обнаружить себя на полу с ноющими костями. Она прислушивалась к мальчикам, считая собственные вдохи и выдохи. Открыв глаза, она наткнулась на пристальный взгляд Стивена.

– Не уходи, – попросил он, словно прочитал ее мысли.

– Закрывай глазки, – прошептала она.

Некоторое время спустя их дыхание стало ровным и глубоким. Стивен посапывал. Он спал крепко – в отличие от ворочающегося и вздыхающего во сне Оливера, который, как и она, пробуждался от малейшего шороха. Она тихо встала и вышла из комнаты – задачка была не из простых.

Она скользнула по коридору в спальню и, притворив дверь, глубоко вздохнула.

Она нечасто бывала *просто Селеной*. Двадцать восемь минут в день: четырнадцать минут по дороге от дома к поезду и четырнадцать – от поезда к дому. Иногда она слушала подкаст или аудиокнигу, иногда ехала в тишине. Наслаждалась роскошью быть собой.

Так же, как когда дети спали, а Грэма не было дома. Она сама, ни на кого не оглядываясь, решала, чем заняться. В офисе она играла роль эффективной и надежной сотрудницы, веселой и безупречной. Дома превращалась в маму и жену, любящую, покладистую, понимающую. В обитом темной кожей салоне машины она становилась собой. Никто не дергал ее и ничего не требовал. Она не *нуждалась* в этих мгновениях. Она не чувствовала себя несчастной. Ей вроде как нравилась ее жизнь. Взять хотя бы все эти радостные посты на ее страницах в социальных сетях с тэгами #спасибо, #слишкомсчастлива, #люблюсвоихмальчиков.

Вчерашние крики, рыдания, звон бьющегося стекла чудом не разбудили мальчиков. Это был не первый их скандал, но

совершенно точно – худший. Головная боль усилилась.

Была ли она *по-настоящему* счастлива?

Они с Грэмом ходили на футбольные и бейсбольные матчи. Улыбались, смеялись, подбадривали юных игроков. Устраивались у самого поля на собственных раскладных стульях, купленных для подобных мероприятий. Приносили сумку-холодильник с водой и апельсинами, чтобы угостить команду и других родителей. Они прекрасно проводили время на дружеских вечеринках и пикниках, всей семьей ездили на отдых. Успели обзавестись целым легионом друзей, знакомых и соседей. Посещали школьные мероприятия, благотворительные аукционы и общественные забеги. Их то и дело звали пожарить барбекю на заднем дворе. Такую они построили жизнь – иногда казалось, будто она возникла сама, из ниоткуда и без спросу их захватила. И они были счастливы. Разве нет?

Но чего она хотела раньше, до того как все закрутилось в этом вихре? Кем надеялась стать?

Она мечтала писать книги.

Она расплакалась – впервые с прошлой ночи. Включила телевизор, зарылась лицом в большую мягкую подушку и позволила рыданиям вырваться наружу. Она изливала в хлопковую наволочку весь свой гнев, всю печаль, усталость от сдерживания этой боли, страх перед будущим. Выплакавшись, она почувствовала себя лучше, свободнее.

Ей нужно было подумать, решить, что делать дальше.

Она взглянула на темный экран лежавшего рядом с ней на одеяле телефона. Кому бы позвонить? Кому *стоило* позвонить? Никому. Не сообщать же обо всем сердобольной матери, идеальной сестре, успешным друзьям. Разве она могла рассказать кому-нибудь, в какой бардак вот-вот превратится ее замечательная жизнь? Единственным человеком, чей голос она действительно хотела услышать, был Уилл, ее бывший, мужчина, которого она бросила ради Грэма. Как ни странно, они все еще оставались друзьями. Хорошими друзьями. Она знала, что могла позвонить ему. Он был бы счастлив поддержать ее в сложившейся ситуации. Даже слишком счастлив. Идея казалась заведомо провальной, и она предпочла не звонить никому вовсе.

Она снова подумала о женщине из поезда. Женщине, которую звали Марта. Которой она исповедалась. Возможно, с ней она сумела бы поделиться. Что бы Марта ей сказала? Не то чтобы она могла с ней связаться.

На комодѣ стояла их семейная фотография: Грэм, Оливер, Стивен и Селена. Тогда их брак переживал не лучшие времена. Собрать и вытащить всех в парк на встречу с профессиональным фотографом было чертовски непросто. Стивен всю дорогу проплакал. Грэм считал, что это глупая трата времени, ворчал, нервничал из-за пробок, огрызался на мальчиков. День выдался просто ужасный. Но к фотосессии все взяли себя в руки и даже натянули фальшивые счастливые улыбки.

– Не волнуйтесь, – сказала фотограф, пожилая женщина с растрепанными кудрявыми волосами и мудрой улыбкой. Должно быть, почувствовала напряженность между ними, хотя Селена всеми силами пыталась ее скрыть. – Оно того стоит.

Фотограф ободряюще потрепала Селену по плечу. Она говорила не о фотосессии – о чем-то куда более важном.

Фотографии получились идеальными. Все выглядели блаженно-счастливыми, она и Грэм – влюбленными, мальчики были похожи на маленьких ангелочков. Из одной она сделала рождественские открытки¹⁹, от которых все пришли в восторг. Увидев фотографии, Селена подумала, что их создательница была права – оно того стоило.

Теперь это казалось ей гнусной ложью. Она сжимала портрет в руках – и хотела разбить его вдребезги. Но вместо этого поставила рамку на место, легла на кровать и уставилась в телевизор. Шла «Игра престолов», на экране мелькали красивые, знойные, обтянутые кожей герои и героини, взволнованные надвигающейся войной. Она позволила себе ненадолго погрузиться в этот жестокий, но прекрасный мир. Драконы. Грязный секс. Трехглазый Ворон. Армия мертвецов. Там все было *куда* проще, чем в реальной жизни.

Вдруг она что-то услышала и тут же убавила громкость.

Охрannую сигнализацию она включила – еще до того, как

¹⁹ В Америке существует традиция рассылать рождественские открытки со сделанной в уходящем году фотографией семьи отправителей. – *Прим. пер.*

они поднялись на второй этаж.

Коридор встретил ее зловещей тишиной.

Остановившись на площадке, она прислушалась, затем спустилась вниз. Убедилась, что входная дверь заперта, а сигнализация по-прежнему включена. Задняя дверь тоже была закрыта. Селена проверила каждое окно в каждой комнате на первом этаже. Она не слышала о случаях взлома в их районе.

Но женщина из поезда была права: плохие вещи происходят постоянно. В самых неожиданных местах. В самые неожиданные моменты.

Селена повернулась – кто-то тощий стоял на верхних ступенях лестницы. К горлу подступил крик.

На одно ужасное мгновение ей показалось, что силуэт принадлежал женщине из поезда.

– Мама! – Это был Оливер. – Я что-то слышал.

Она с облегчением поднялась вверх по лестнице и обняла его за плечи.

– Ты напугал меня, дружок.

– Прости.

– Иди в кроватку.

– Стивен храпит. Можно я посплю с тобой?

Она заглянула в его большие темные глаза. Не по годам мудрые. Только родившись, он уставился на нее тем же взглядом. Стивен плакал, брыкался, отказывался от груди, страдал от колик и другой боли. Оливер был настоящим ан-

гелочком и ее родственной душой. Когда он не баловался и не пытался ей врать, она видела в его глазах отражение прошлого, настоящего и будущего. Понимала, кем он был в минувших жизнях, кем была она, каким мужчиной он вырастет, какими станут они, когда состарятся, какими будут в жизнях грядущих.

Они забрались на большую кровать, она обняла его, как плюшевого медвежонка, наслаждаясь теплом, исходящим от его маленького тела, и ролью матери, которая позволяла ей отодвинуть все остальное на задний план.

– Я слышал, как вы с папой ругались, – сказал Оливер, когда она уже подумала, что он заснул.

Она коротко поразмыслила – и решила не отрицать:

– Прости.

Она была уверена, что мальчики проспали их ссору. Какая глупая надежда! Разве можно было не услышать взрыв такого масштаба?

– Мне показалось, вы ненавидите друг друга, – поделился Оливер.

Ее сердце сжалось от тоски.

– Это не так.

– Но ты сама это говорила. Ты сказала: «Я ненавижу тебя, Грэм». И что нужно было выходить замуж за дядю Уилла.

Черт. Неужели она так сказала? Удар ниже пояса. К тому же она так не считала.

– Позволь задать тебе вопрос, – попросила она. – Вы со

Стивенем часто ссоритесь?

– Ага.

– И ты говоришь, что ненавидишь его?

– Ага.

– Ты говоришь это на полном серьезе?

– Наверное, нет, – помолчав, ответил он.

– То есть иногда ты так злишься, так расстраиваешься, что говоришь вещи, которые вовсе не имеешь в виду, верно?

– Наверное.

– Вот и мы с папой не имели в виду всего, что наговорили друг другу прошлой ночью. Мне жаль, что ты застал нас за подобным.

Она вспомнила, каково это – слышать, как ругаются родители. Такие моменты сближали их с сестрой. Она вспомнила, какой беспомощной, бессильной и испуганной себя чувствовала. А теперь из-за нее так же себя чувствовал Оливер. Осознание было ужасающим. Она ненавидела Грэма – действительно ненавидела. Так же, как саму себя.

Она погладила сына по шелковистым волосам. Его лоб показался ей горячим.

С минуту он молчал, его грудь мерно вздымалась и опускалась.

– Родители Зандера разводятся, – тихо сказал он. – Он говорит, что теперь у него будет два дня рождения и два Рождества.

– Неплохо. – Она понятия не имела, о каком Зандере идет

речь.

– Я не хочу, чтобы у меня было два дня рождения, – буркнул он.

– Я понимаю.

– Тогда где папа?

– У него «мужские» выходные. Я же тебе говорила.

Она снова возводила между ними стену лжи.

– Ладно, думаю, он у дяди Джо, – наконец сдалась она. Обычно, когда им нужно было отдохнуть друг от друга, Грэм отправлялся в холостяцкую берлогу своего брата.

– А я думаю, он на улице, – не согласился с ней Оливер.

– Что? – удивилась она. – Что ты хочешь этим сказать?

– По-моему, он сидит в своей машине – она стоит через дорогу от нас.

Селена встала и подошла к окну. Оливер был прав: Грэм сидел в своем внедорожнике, припаркованном на другой стороне улицы. Она старательно подавляла заклокотавшие в ней гнев и раздражение. *Какого хрена?* Она же просила дать ей время и пространство, чтобы все обдумать. Просила держаться подальше. Сказала, что придумает, как объяснить его отсутствие мальчикам, и даже позволит ему созвониться с ними в субботу. Но он, конечно, все делал по-своему. Был Грэмом. Не понимал и не уважал чужие границы, не мог осознать, что так грубо нарушают их только невоспитанные ублюдки.

Когда мать раскрыла Селене и ее сестре истинные мас-

штабы измен их отца, Селена, совсем еще молодая, только окончившая колледж и вышедшая на работу, притворилась, будто понимает, почему мать так долго его терпела.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.